

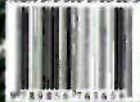
ЦГЭОЗ
Гомельская область

Под знаком

Чернобыля

**Сотрудники
санэпидслужбы Гомельщины
вспоминают**

15289 978-960-6703-60-9

9789606703609

Гомельская областная организация
профсоюза работников здравоохранения

Под знаком

Чернобыля

**Сотрудники
санэпидслужбы Гомельщины
вспоминают**

Гомель

Варс
2011

Идея издания, его подготовка –

А.Я. Мезенцев, председатель Гомельской областной организации профсоюза работников здравоохранения;

Л.А. Тирещенко, старший преподаватель кафедры общей гигиены, экологии и радиационной медицины УО «Гомельский государственный медицинский университет»;

А.А. Лазакевич, врач-лаборант орготдела ГУ «Гомельский областной центр гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья».

П 44 Под знаком Чернобыля : Сотрудники санэпидслужбы Гомельщины вспоминают. – Гомель: Барк, 2011. – 80 с.

ISBN 978-985-6763-65-9

В книге представлены воспоминания сотрудников санэпидслужбы Гомельской области, которые были задействованы в ликвидации последствий техногенного бедствия глобального масштаба – катастрофы на Чернобыльской АЭС, произошедшей 26 апреля 1986 года.

Санитарная служба обеспечивала достижение самого необходимого для граждан, оказавшихся в условиях проживания на загрязненной территории, результата – минимизации последствий трагедии.

В этой многоплановой и тяжелой работе представители службы продемонстрировали ответственность, чувство долга, мужество. Их воспоминания отражают непростую гамму чувств и переживаний людей, волею обстоятельств поставленных в экстремальные условия. Они дают зримое представление о событиях, происходивших в 30-километровой Чернобыльской зоне в первые месяцы после катастрофы.

УДК 84(4Бел):20.1
ББК 882.6:504

ISBN 978-985-6763-65-9

© Оформление. ОДО «Барк», 2011

..Ляцелі адгалоскі
Радзяцыйным кропам
Над заінелым дротам,
Па-над прывідам вёскі
І над усёй Еўропай.

Лідзія Возісава

СЕРДЦЕ, ОТДАННОЕ ЛЮДЯМ

О Чернобыльской катастрофе написано много. Однако этот сборник воспоминаний особенный: о тех трагических днях рассказывают люди, которые с первых дней после аварии находились по долгу службы в эпицентре событий. И не просто находились, а выполняли в экстремальных условиях свою работу. Речь идет о специалистах санэпидслужбы Гомельщины.

Одни из них вели мониторинг уровня радиоактивного загрязнения территорий, что было использовано при принятии решения об эвакуации населения. Другие замеряли пробы пищевых продуктов, сырья и воды для определения в них дозы радиационного загрязнения. Были созданы и направлены, в том числе и в отселенные деревни 30-километровой зоны, бригады для уничтожения мышевидных грызунов, чтобы предотвратить «расползание» радиации. А с началом эвакуации населения на первый план вышли такие сложные вопросы, как санитарная обработка людей, скота, транспорта.

И при этом сами работники санэпидслужбы не обладали объективной информацией о ситуации, не были обеспечены специальными средствами защиты. Но оставаясь беззащитными, в условиях неизвестности, они не просто выполняли свой профессиональный долг, но и стремились успокоить в эти труднейшие дни жителей области. И только позже они получают статус ликвидаторов Чернобыльской катастрофы, а наиболее отличившимся были вручены государственные награды.

Так что эти воспоминания очевидцев, попавших волею судьбы в драматическую полосу жизни молодой Республики Беларусь, являются важнейшим свидетельством истории страны. А еще этот сборник – дань памяти тем ликвидаторам, которые не дожили до наших дней.

*Председатель Гомельского обкома
профсоюза работников здравоохранения
А.Я. Мезенцев*

В 25-ю годовщину аварии на Чернобыльской АЭС на здании Гомельского областного центра гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья будет установлена памятная доска в честь Зои Алексеевны Хулап, бывшей в 1986 году главным государственным врачом Гомельской области и внесшей большой вклад в ликвидацию последствий этой катастрофы.

Зоя Алексеевна была одним из наиболее ярких и талантливых руководителей санитарно-эпидемиологической службы области.

Приехав в г. Гомель после окончания Ленинградского санитарно-гигиенического медицинского института и проработав 8 лет санитарным врачом по коммунальной гигиене, в 1965 году она становится главным государственным санитарным врачом г. Гомеля.

В это время город переживал период бурного развития: строятся новые микрорайоны, химзавод, большой водозабор, проводится реконструкция и расширение многих крупных промышленных предприятий.

Все это требовало от специалистов, осуществляющих предупредительный санитарный надзор, высокого профессионализма, от главного врача – принципиальности, умения отстаивать свою точку зрения, убежденности в правильности принимаемых решений. И это ей удавалось. Вырос и продолжает расти на берегу реки Сож достаточно хорошо спланированный и удобный для жизни г. Гомель.

Организаторские способности З.А. Хулап, профессионализм, приобретенный опыт сделали возможным ее назначение в 1976 году главным государственным санитарным врачом Гомельской области.

Первой заботой Зои Алексеевны на протяжении всей деятельности была кадровая политика, воспитание профессионалов, уверенных в правильности и полезности своей деятельности, способных на должном уровне осуществлять государственный санитарный надзор.

Проводилась большая работа по подбору и расстановке кадров, работали выездные очно-заочные курсы повышения квалификации, были созданы курсы повышения квалификации для специалистов со средним медицинским образованием при Гомельском медицинском училище. В области работало 10 школ передового опыта, где и молодые, и специалисты со стажем могли повысить свой профессиональный уровень. Но наиболее эффективным в этом смысле было общение с самой Зоей Алексеевной, которая всегда могла дать совет, помочь или строго, но корректно указать на то, что считала недопустимым в работе специалиста.

Но, пожалуй, самым сложным было заставить ее в кабинете. Ее рабочим местом была вся область. Стилем ее работы было участие в ключевых для санэпидслужбы области делах – ликвидации экстремальных санитарно-гигиенических ситуаций и эпидосложнений, приемке в эксплуатацию законченных строительством крупных предприятий, проверке значимых в эпидемиологическом отношении объектов надзора. Выезжая в районы, она встречалась с коллективами санэпидстанций, решала наиболее сложные вопросы с территориальными исполнительными органами власти. Благодаря этому за время ее руководства удалось значительно укрепить материально-техническую базу санэпидучреждений области. За относительно короткий срок было построено и реконструировано 17 зданий: в их числе Мозырская городская, Речицкая, Рогачевская, Добрушская, Жлобинская санэпидстанции, пятиэтажный лабораторный корпус областной СЭС.

По инициативе З.А. Хулап впервые в республике была проведена централизация лабораторной службы, что позволило создать крупные многопрофильные лаборатории как на областном уровне, так и на уровне ставших в будущем зональных санэпидстанций. Была полностью решена задача лабораторного сопровождения госсаннадзора в области; население, независимо от места проживания, было обеспечено

всей выполняемой в лабораториях санэпидучреждений номенклатурой исследований. Результатом централизации лабораторной службы явилась возможность приобретения и использования наиболее современного, дорогостоящего оборудования, внедрение более точных, высокочувствительных, селективных методов исследований.

В этот же период в Гомельской области по инициативе главного врача решился такой важный вопрос, как централизация финансирования. Появившаяся в результате этого возможность более рационального использования бюджетных средств позволила поэтапно произвести переоснащение лабораторий, капитально отремонтировать и реконструировать здания ряда санэпидучреждений, централизовать закупку диагностических и расходных материалов для лабораторных исследований. В последующем принцип централизации был распространен на всю республику.

Особенно ярко организаторские, человеческие и профессиональные качества Зои Алексеевны Хулап проявились в период ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. На первом этапе ликвидации – при практическом отсутствии нормативной базы, четких указаний вышестоящих органов, в условиях острого дефицита времени – ею принимались ответственные неординарные решения, которые позволили в значительной степени защитить население области от радиационного воздействия. В кратчайшие сроки на базе санэпидстанций были организованы 19 новых радиологических лабораторий, а впоследствии с участием Зои Алексеевны создана стройная система радиационного надзора, взятая за основу для всей республики. За участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС З.А. Хулап была награждена вторым орденом Трудового Красного Знамени.

За свой вклад в укрепление здоровья населения Зоя Алексеевна Хулап награждалась Почетными грамотами Министерства здравоохранения Республики Беларусь, Гомельского

областного и городского исполнительных комитетов, медалью «За доблестный труд», нагрудным знаком «Отличник здравоохранения» и другими наградами.

Зоя Алексеевна Хулап ушла из жизни в 1994 году, но ее помнят те, кому посчастливилось с ней работать, и стараются передать ее подходы к реализации возможностей врача профилактического направления вновь приходящим в службу специалистам.

И как подтверждение этого в санитарно-эпидемиологической службе области учреждена ежегодная премия имени З.А. Хулап «За вклад в развитие санитарно-эпидемиологической службы Гомельской области», которая присуждается двум специалистам за многолетний плодотворный труд, значительные заслуги в обеспечении санитарно-эпидемического благополучия населения.

В воспоминаниях главных врачей, сотрудников, кому посчастливилось жить и работать с нею, чаще всего звучат такие слова: высокий профессионализм, умение отстаивать позицию санитарной службы, чутье специалиста, дипломатичность, такт, мудрость, умение понять, человечность. А еще она была очень красивой женщиной с нелегкой жизненной судьбой.

И вот поэтому на ее могильном памятнике, выполненном в виде сердца, выгравированы слова: «Сердце, отданное людям».

*Ключенович Валерий Иосифович,
в 1986 году – заведующий
эпидемиологическим отделом Гомельской облСЭС,
в настоящее время – директор Белорусского
научно-исследовательского центра «Экология».*

ПАД РУЖАЮ ВЯТРОЎ

Крану рукой вянцы старога зруба –
пачуецца ў адказ гул баравы,
затрубіць тур,

і цёплай шэрсцю зубра
запахне вецер між густой травы.

З-за рэчкі,

дзе ў лугах качаўся логам
гарачы конь, каб астудзіць свой жар,
плыве над кожнай выспай, кожным стогам
забыты гук, як з небыцця кажан.

І вогнішчаў пагаслых і ачахлых,
развяхных па свеце, нібы пыл,
іскрынкі апякуць на берагах тых,
якімі дым адплыў за небасхіл...

Каго ж, аб чым гукае голас тура
з мінуўшчыны,

дзе шчодры гул бароў?

Тут побач – саркафаг.

Бетон і арматура

пад ружаю атручаных вятроў.

Віктар Ярац

ТИРЕЩЕНКО
Людмила Анатольевна

В 1986 году – заведующая отделением гигиены питания Гомельской областной санитарно-эпидемиологической станции (СЭС).

В настоящее время – старший преподаватель кафедры общей гигиены, экологии и радиационной медицины УО «Гомельский государственный медицинский университет».

ИЗ «ЧЕРНОВЫЛЬСКИХ ДНЕВНИКОВ»

29 апреля я прилетела в Москву из Алма-Аты, где была в достаточно длительной командировке. Сразу, конечно, позвонила домой – все в порядке. Звонок на работу. Весенняя пора – горячее время в отделении гигиены питания.

Даже несколько странный вопрос врача, с которым я говорила, не вызвал у меня никакой реакции. Он спросил: «А вы ничего о нас не слышали?». Я в шутку ему что-то ответила, и на этом разговор закончился.

Приехала домой, все рады, завтра праздник, настроение прекрасное. Утро 1 Мая. Кто-то ушел на демонстрацию, кто-то начинает готовить праздничный стол.

Вдруг телефонный звонок, совершенно незнакомый голос предлагает мне немедленно приехать на работу. С трудом узнаю своего главного врача – Хулап Зою Алексеевну.

Приехав, захожу в кабинет, какая-то напряженная обстановка, никаких вопросов о командировке и срочное задание. Выписывая результаты исследований молока в областной ветеринарной лаборатории, я еще не осознавала, что один или два «0» после запятой в измерениях его радиационной активности делают его совершенно непригодным к употреблению.

Привезла данные, еще не совсем понимая, для чего они нам. И только уже после разговора стало ясно, что привычная жизнь закончилась. Зоя Алексеевна вручила мне общую тетрадь и сказала, что с этого дня я должна ежедневно

записывать, какие и от кого поступили указания и что сделала я. Потом таких тетрадей стало 4. Это и есть мои «Черновыльские дневники».

Но даже не открывая их, некоторые моменты и события я помню так ярко, как будто они произошли вчера.

Четверть века прошло, 25 лет, но, наверно, это свойство памяти – способность в деталях воспроизвести то, что происходит с человеком в экстремальной ситуации.

Наконец нам впервые разрешили выступить по радио.

5 мая Зоя Алексеевна попросила подготовить короткое сообщение для населения – 5–8 минут, больше времени не дают. Утром вычитываем каждое слово. Главное, чтобы было ясно, но не вызывало паники. Прихожу в радиокomiteeт, читаю текст председателю.

Реакция ожидаемая. Он показывает вышедшую накануне газету «Правда», где опубликован снимок, на котором радиоактивную загрязненность выловленной в Днепре рыбы измеряют прибором ДП-5 и приходят к выводу, что она «чистая» и ее можно есть. Хорошо, что он недавно служил в армии и ему без труда удастся объяснить, что такой прибор может показать загрязненность рыбы, если она, образно выражаясь, будет светиться при дневном свете. Подготовленный текст проходит практически полностью. И о герметизации жилья, и об ограничении пребывания детей на открытом воздухе, и об отношении к употреблению продуктов. Но это выступление прозвучало всего один раз.

Появились, наконец, и ученые-радиологи. Они в Хойниках и срочно требуют все данные по загрязненности молока.

Ночь сидим, готовим таблицы с этими данными. Формируем по датам, по районам, по хозяйствам, по активности.

Рано утром 7 мая еду в Хойники. Дома расцвели тюльпаны, нарвала охалку. Все-таки послезавтра праздник, хочется порадовать народ. Цветы «чистые», измеряли накануне, а в Хойниках – «грязные». Приезжаю в санэпидстанцию. Везде стоят раскладушки, еще все спят. Иду в райисполком, но там только дежурный, потом в райком партии, где

тоже сидит дежурный. Обсуждаем обстановку. Наконец на площади появляются машины и очень много представительных мужчин. Все собираются в кабинете председателя райисполкома.

Ученые приехали из Московского института биофизики. И тут оказывается, что им не нужны наши обобщенные данные, над которыми мы столько потрудились, а нужны результаты измерения активности каждой пробы, за которыми мне и следовало вернуться в Гомель. Спорить было бесполезно, это я поняла сразу. С недовольным видом, времени в обрез, направляюсь к выходу.

Но тут меня останавливает один из членов комиссии. Я пытаюсь ему объяснить, что получила срочное задание и нет времени на беседу с ним. Но, увидев значок депутата Верховного Совета, на всякий случай сажусь и, как он меня просит, говорю свое имя, фамилию, должность. Но в ответ прошу, чтобы представился и он. И он, назвавшись заместителем Председателя Совмина БССР Петровым А.А., предлагает мне представить, что у меня верховная власть и прямо сейчас нужно написать не менее 35 мероприятий, которые позволили бы защитить наше население. Объясняя, что сделать это без ведома главного врача я не смогу. И мы договорились, что по возвращении из Гомеля я этот план предоставляю. Не выезжая из Хойников, я позвонила Зое Алексеевне и генеральному директору молочного объединения и сообщила о необходимости подготовки требуемого документа. Опоздав на 15 минут к назначенному сроку, я привезла этот план. Петров читал его очень внимательно и своей рукой сделал несколько дополнений. Сказал, что вечером состоится совещание с учеными, представителями исполнительной власти, руководителями хозяйств, и Хулап З.А., как главный государственный санитарный врач области, должна доложить план для обсуждения.

И совещание состоялось, и план был доложен. Но, к сожалению, очень небольшое из предлагаемого было в последующем реализовано. На совещании говорилось в основном

о том, что никто не отменит государственные планы по производству мяса и молока и выращиванию картофеля. А корова – это веревка, которая держит крестьянина на земле. И если изъять личный скот, как предлагали мы, то крестьяне «побегут». По моему представлению, совещание закончилось ничем. Ученые не могли дать каких-то прогнозов о загрязненности продовольственного сырья, которое будет получено на загрязненных территориях, представители власти говорили о планах заготовок, а хозяйственники так и не поняли, что им делать. А начиналась посевная.

Общаясь с представителями науки, мы узнали, что они, оказывается, уже долгие годы изучали проблемы радиоактивного загрязнения окружающей среды и даже на уровне Минздрава СССР утвердили столь необходимые нам рекомендации практических врачей, в соответствии с которыми следовало действовать. К великому сожалению, до нас они так и не дошли.

Поэтому все приходилось изобретать самим. Мало в этом смысле помогало нам и наше Министерство здравоохранения. Общение по телефону заключалось в основном в следующем: вечером мы должны были доложить в Главное управление, что нами предпринято за прошедшие сутки, а утром на все поставленные вопросы нам отвечали, что нужно действовать, исходя из сложившейся обстановки.

Мы и действовали. Начиналось лето, появилась зелень. Можно ее есть, нельзя? Никто ответить не мог. Быстро было организовано исследование сотен проб, благо радиологические лаборатории были развернуты уже во всех районных санэпидстанциях. Исследования показали: употреблять в пищу зелень – укроп, петрушку и, особенно, щавель, нельзя. Об этом и оповещалось население.

Сразу стало понятно – нужен тотальный контроль всех продуктов питания. И поэтому на всех предприятиях, связанных с переработкой продовольственного сырья, начали создаваться радиологические лаборатории. Особо в этом отношении были значимы молоко- и мясоперерабатывающие

предприятия. Поэтому в лабораториях этих предприятий были установлены наши приборы и исследования проводили специалисты санэпидслужбы. И, наверно, благодаря этому молочную продукцию для населения нашей области выпускали из сырья, доставляемого из Витебской и Минской областей.

Вдруг «засигналил» хлеб на Брагинском хлебозаводе. Проверили сырье – все «чистое». Оказалось, из-за работы точной вентиляции загрязнялась корка при выходе хлеба из печей. Срочно дали предписание отключить на всех предприятиях пищевой промышленности принудительную точную вентиляцию.

Как ни странно, «сигналила» и водка Гомельского ликероводочного завода. Оказалось, что бутылки, вывезенные из загрязненных районов, при обычном режиме мойки не отмывались от радионуклидов. Пришлось организовывать дополнительную мойку.

И вообще, многое по предписаниям санитарной службы было введено на предприятиях, связанных с переработкой продовольственного сырья и производством пищевых продуктов. Это было время, когда я в полной мере почувствовала сложность и значимость своей профессии санитарного врача.

Нужно было срочно запрещать уличную торговлю продуктами. Шли майские праздники, и было достаточно сложно убедить руководителей торгующих организаций сделать это. И только вопрос, заданный начальнику управления торговли облисполкома, о том, проводит ли он сам йодную профилактику, в один момент решил все. Во все районы пошло указание от его имени о запрещении такой торговли.

Действительно, тогда еще не все понимали тяжести того, что произошло – к великому сожалению.

Но уже в ночь на 3 мая руководитель молочного объединения подготовил и, согласовав с нашей службой, срочно направил на все молочные заводы конкретные рекомендации по защите этих предприятий от загрязнения радионуклидами.

По остальным предприятиям такие рекомендации разрабатывали мы. Ночью писали, утром диктовали по телефонам

или передавали по телетайпу (других видов связи тогда, к сожалению, не было) руководителям ведомств, которые это потом доводили до каждого предприятия.

Многое приходилось решать быстро, на свой страх и риск. Вывезли кормящих матерей с детьми из зоны отселения. Когда измерили активность грудного молока, срочно приняли решение о запрещении грудного вскармливания на срок, пока организм мамы освободится от радионуклидов. Благо, что это происходило достаточно быстро.

Редко мы получали толковые рекомендации, а некоторые были вообще неприемлемы. Так, один из ученых на вопрос заведующей отделением детей и подростков – можно ли (это в 1986 году!) привозить детей из других городов к нам отдыхать, ответил, что, конечно, можно. Только перед этим нужно провести йодную профилактику детям, которых привезут к дедушкам и бабушкам отдыхать. Как-то плохо верилось этим ученым. Было такое впечатление, что перед ними стояла основная задача – собрать как можно больше данных этого гигантского научного эксперимента.

Но потом, как мы говорили, появились настоящие ученые, с которыми можно было все обсуждать и советоваться. И беседа за чашкой кофе с Рудольфом Михайловичем Бархударовым придала больше сил и уверенности в правильности того, что нами делалось по защите населения, чем любые официальные мнения. Наталья Яковлевна Новикова научила нас не «бояться» радиации, а знать, что нужно делать в каждой конкретной ситуации. Помогало общение с ними и на последующих этапах ликвидации последствий аварии.

Середина июня лета 1986 года. Еду координатором по трем районам (Хойникскому, Наровлянскому и Брагинскому). Жить и работать буду в Хойниках. Больше всего, конечно, запомнилось это время. День расписан практически по минутам, а вечер и полночь – составление всяческих отчетов о проделанной работе. Из всех областей республики приезжали специалисты. Работа была организована вахтовым методом. Приезжали бригады из Витебской, Минской, Гродненской

областей, Минской городской санэпидстанции. Обстановка того времени очень сближала, делали вместе одно общее, очень важное, как мы понимали, дело. Со многими тогда подружились, поддерживаем дружеские отношения и сейчас.

Часто спрашивают, что вы там делали в отселенной зоне, ведь там уже никто не жил, не работали магазины, школы, столовые. Но радиационная обстановка оставалась неясной, нужно было производить замеры радиационного фона, отбирать пробы почвы, воды, растительности. В деревнях остались животные, размножались грызуны, нужно было проводить дератизацию. Перед вывозом оставшихся в отселенных населенных пунктах материальных ценностей нужно было провести их оценку по радиационному загрязнению и решить, можно ли их использовать в дальнейшем, или нет. Каждый день оставшемуся населению нужно было разъяснять, как правильно себя вести в этих условиях. Ежедневно совершались поездки через отселенные места в Брагин, Наровлю. Вопросы возникали ежеминутно, и решать их нужно было сразу, советоваться было не с кем.

Реку Припять переезжали паромом из Наровлянского района в Хойникский. На берегу рыбаки варят уху. Я-то знаю, какая активность может быть у этой рыбы! И как трудно их было убедить вылить уже почти готовую уху и идти есть так надоевшую им тушенку. Встречи с населением были постоянно. Нужно было без рассуждений и консультаций сразу, а главное, уверенно отвечать на все поставленные вопросы. И это, конечно, была очень большая ответственность.

Новые проблемы возникали ежедневно. Созревали новые ягоды и фрукты. Клубника оказалась «чистой», а все виды смородины в пищу употреблять было нельзя. Объяснить это было сложно, да никто и не пытался это делать. Главное, сообщить населению, что можно, а что нельзя.

В отселенных деревнях появились «самоселы» – это переселенцы, нигде не устроившись, вернулись в родные места. В н.п. Гдень, совсем недалеко от Чернобыльской АЭС, вернулись все жители во главе с председателем колхоза.

Срочно нужно было решить, можно ли вообще там жить и что сделать, чтобы лучше обустроить это проживание. А для этого многочисленная бригада сотрудников санитарной службы проводила обследование деревни, отбирались пробы воды из колодцев, почвы, пищевых продуктов, готовила предписания по очистке и дезактивации территорий, асфальтированию, обустройству колодцев и другим мерам.

И действительно, это было время, когда каждый из нас почувствовал себя востребованным, значимым специалистом. Ведь между населением и тем, что «не щиплет и не кусает», как сказала одна из жительниц отселенной деревни, практически никого, кроме нас, не было.

Очень тронул сердце прощальный вечер в Хойниках, который местные ребята втайне от меня устроили, провожая в Гомель. Хотя мы и знали, что расстанемся ненадолго, туда придется приезжать еще не один раз. Было сказано много хороших слов, приятных мне и как профессионалу, и как просто человеку.

Со многими специалистами, не только санитарной службы, но и других ведомств, общаемся сейчас как старые друзья. Это что-то сродни фронтовой дружбе. Ведь в экстремальных условиях сразу понимаешь – твой человек или нет.

Большое спасибо всем, кто не думал о последствиях для своего здоровья, не рассчитывал на льготы и награды, просто честно делал порученное ему дело. Очень жаль, что многие лишились статуса ликвидатора последствий аварии на ЧАЭС при перерегистрации. Кто тогда думал о первичных документах, которые потом потребовали предъявить?.. Многие прошли через суд, чтобы подтвердить свое участие.

И все-таки предпринятые специалистами санитарной службы усилия не пропали даром. Общеизвестно, что фактически полученные населением дозы оказались значительно ниже прогнозируемых.

И я очень горжусь правительственной наградой – медалью «За трудовую доблесть», полученной за участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и считаю ее честно заслуженной.

КОРОБСКИЙ
Юрий Герасимович

*Главный врач Наровлянской райСЭС в 1964–1999 годах.
В настоящее время – на заслуженном отдыхе.*

КАК ЭТО БЫЛО

А было это почти 25 лет назад, но я вижу все отчетливо, как сегодня.

Суббота, 26 апреля 1986 года. Мы с водителями Жовнерчуком К.Б. (ныне покойный) и Рабчуком А.М. занимались незамысловатым делом – городили на ближайшем от Наровли поле так называемый скотопрогон. Удивляться здесь нечему – была тогда такая практика: по заданию РК КПБ оказывать практическую помощь подшефным хозяйствам. Был по-летнему теплый день. К вечеру приехал сын и сообщил, что в направлении г. Киева прошла колонна из примерно 20 новых автомобилей «Скорой помощи».

Назавтра, в воскресенье, прошел первый обильный весенний дождь. Где-то около 15.00 домой позвонил Вербовиков Александр Андреевич из областной санэпидстанции и попросил провести на территории СЭС замеры мощности экспозиционной дозы гамма-излучения. Мы немного порассуждали на тему, что кому-то нечем заняться в выходной день, и я отправился выполнять поставленную задачу. К работе я привлек двух фельдшеров – они только в феврале по распределению прибыли к нам. Надо сказать, что в нашем коллективе регулярно проводились тренировки, занятия в системе гражданской обороны, в том числе учились проводить замеры МЭД прибором ДП-5.

Около 17.00 мне позвонила Зоя Алексеевна Хулап – главный государственный санитарный врач Гомельской области – и сказала, что результаты наших замеров, которые мы сообщили в Гомель, вызывают сомнения своими высокими

значениями. Тогда я попросил провести замеры более опытного сотрудника – Леоненко Николая Александровича. Поменяли питание в приборе, но результаты оказались такими же или примерно такими же – 10 мр/ч. После чего мы получили распоряжение организовать круглосуточное дежурство с проведением замеров МЭД на территории СЭС каждые 2 часа.

Мы насторожились, это было уже не похоже на командно-штабные учения ГО. Соседи наших сотрудников, отправившиеся в г. Припять в это же воскресенье, возвратились обратно, так как на пути оказался заградительный милицейский пост. Без объяснения причин их завернули в направлении к дому. Проанализировав эти события, мы пришли к выводу, что случилась какая-то серьезная авария на Чернобыльской АЭС. Но никаких официальных и даже неофициальных сообщений ни из каких органов и служб мы не получили.

В понедельник, 28 апреля, я занимался повседневной работой, когда позвонила З.А. Хулап и сказала буквально следующее: «Что бы ни случилось, куда бы вас ни вызывали, хоть камни с неба – вы должны быть в районной СЭС». Эта фраза, сообщения из других ведомств, совместная ночная поездка начальника штаба ГО района, начальника милиции, управляющего «Сельхозтехники» по трассе, ведущей в г. Припять с проведением замеров, – все это уже не вызвало сомнений, что произошло какое-то ЧП на АЭС.

На тот момент ни в одной организации района не было работающего прибора ДП-5. Главным источником информации становились специалисты районной СЭС. 28 апреля и вместе с другими руководителями районного звена был приглашен в РК КПБ, где собрались члены бюро в полном составе. Высказывались мнения и догадки о происходящем, но никто не знал истинного положения. Спросили и меня об уровнях МЭД (к тому времени мощность составляла несколько десятков мр/ч) и как их оценивать. Но, как вы понимаете, никаких нормативных документов на случай катастрофы на АЭС не было (у нас, по крайней мере). Была

единственная брошюра с грифом «ДСП», где приводились допустимые значения полученной дозы ионизирующего излучения военнослужащими при нанесении противником атомного удара.

Далее события развивались стремительно, но сначала обратимся к хронологии основных событий:

26 апреля 1986 года в 1 час 23 минуты происходит катастрофа на Чернобыльской АЭС, создается правительственная комиссия;

27 апреля 1986 года проводится эвакуация населения г. Припять;

6 мая 1986 года – окончание десятидневных выбросов радиоактивных материалов в атмосферу, введение временных допустимых уровней (ВДУ 86) для пищевых продуктов и воды, завершение эвакуации населения из «загрязненной» зоны (в Наровлянском районе 8 населенных пунктов);

31 мая 1986 года – пересмотр значений ВДУ 86;

июль 1986 года – составление первой сводной карты радиационного загрязнения территории;

декабрь 1987 года – вновь осуществляется пересмотр значений ВДУ 86;

март 1989 года – в Белоруссии, на Украине и в России издаются официальные карты радиационного загрязнения территории.

28 апреля я собрал своих сотрудников, и мы определились, как будем работать дальше. Исходя из ситуации, решили:

рабочий день не нормирован для всех;

отпуска запрещаются;

уволиться было можно (но никто не ушел);

круглосуточные замеры МЭД;

выполнять поручения только главного врача СЭС;

обязательная йодная профилактика (с большим опозданием на 3–4 суток после катастрофы);

фиксация в журналах полученных замеров и результатов исследований и их сохранение.

Растерянности у меня и молодых сотрудников не было, хотя позднее девушки признались, что иногда плакали тайком. Причиной этих переживаний, как я понял, были опасения за здоровье будущих детей.

Только на 2-ой неделе мне разрешили опубликовать небольшую заметку в районной газете. Надо сказать, что к тому времени были обнародованы официальные выводы правительственной комиссии. Это было первое официальное сообщение в средствах массовой информации. В середине мая в Наровле впервые была проведена встреча специалистов (представитель областного штаба ГО, физик-ядерщик, главный врач СЭС) с населением. Местный кинотеатр был забит людьми до отказа, стояли в проходах и фойе. Вопросов было не счесть. Но любой ответ воспринимался с недоверием. Людям было трудно поверить, что что-то невидимое, неосознаемое может быть так опасно. Одни недооценивали опасность, другие были в панике. Там, где не помогали аргументы, приходилось отвечать шуткой. Вопрос ко мне: «Правда, что Вы отселили жену?» – ответ: «Вот уже целую неделю пытаюсь отселить – ничего не получается».

С каждым днем объем работы увеличивался. Исследования воды, пищевых продуктов, оказание помощи представителям научно-исследовательских институтов, лабораторных групп. Было, конечно, и много непродуманных, непрофессиональных требований. Например, к исходу первой недели после катастрофы было требование от одного чиновника высокого ранга из здравоохранения немедленно провести исследования объемной активности радиоцезия в воде артезианских источников. И главный врач с водителем отбирали образцы воды целую майскую ночь, а к шести утра результаты исследований были переданы по адресу в республиканский штаб, расположенный в г. Хойники. Воду шахтных источников исследовали в несметном количестве. Эту работу выполняла Татьяна Феськова, работающая сейчас в Речицком ЦГЭ. Работать было интересно, тяжело и в то же время легко. Поясняю на примерах.

Интересно – это понятно, до сих пор мы не сталкивались даже близко с мероприятиями в области радиационной гигиены.

Тяжело – нормальным считалось, что рабочий день начинался в 7.00, заканчивался в 22.00–23.00, а иногда круглосуточно, особенно при проведении мероприятий по отселению. Был случай, когда наш сотрудник, передавая ночью информацию в областную СЭС по телефону, внезапно уснул. Там быстро сориентировались, позвонили на «Скорую помощь» г. Наровля, оттуда отправили машину в СЭС. Ситуация была нормализована, но после этого моим приказом в ночное дежурство назначались два человека.

Иногда ставились абсурдные задачи: из облздравотдела телефонограмма – развернуть пункт помывки людей на этапе эвакуации н.п. Вепры. Люди из этой зоны эвакуированы два дня назад. Иногда ставились несвойственные профилю работы СЭС задачи. Но я жестко отстаивал положение о работе СЭС, за что иногда наказывался местной властью.

Легко – трудно себе представить, но буквально с первых дней катастрофы санитарная служба приобрела очень большой авторитет. Предложения главного государственного санитарного врача принимались безоговорочно и выполнялись незамедлительно. Доверие к результатам лабораторных исследований, различного рода замерам было безграничным. Это подметил и министр здравоохранения Савченко Николай Евсеевич на одном из совещаний в г. Гомеле и тут же спросил, почему в таком режиме ранее не работала СЭС. Ответ мой вызвал у него улыбку: «Катастрофы не было».

Позднее о самоотверженной работе санитарной службы сказал на совещании в Светлогорске и начальник управления здравоохранения области Крысенко Н.А. На любом совещании районного уровня мое выступление по чернобыльской тематике воспринималось с большим интересом. Я уже не говорю о встречах с трудовыми коллективами, выступлениях по радио, на телевидении. Но для этого мною был про-

работан не один источник в области радиационной медицины и гигиены. Предпочтение я отдавал материалам, где стояла подпись директора института биофизики МЗ СССР академика Ильина Л.А. и ученого-радиолога Булдакова Л.А.

Несколько слов об освещении событий в средствах массовой информации. Освещались чернобыльские события по-разному. Наряду с явно оптимистическими встречались откровенно панические. И что характерно, оценку ситуации пытались давать люди совершенно безграмотные в области радиационной медицины и гигиены. К большому сожалению, немало было среди них и медработников.

Иногда же факты откровенно извращались. Не могу удержаться от примера и сошлюсь на публикацию «Чудо-подарок» собственного корреспондента газеты «Правда» в г. Нью-Йорке В. Липника («Правда», декабрь 1990 г.). Цитата: «...Мы поехали в заброшенное село возле Наровли, где нам рассказали, что из 25 детей, которые ходили в этот садик, половина уже умерли от лейкемии...» Этим селом со слов бывшего председателя Наровлянского райисполкома Марковского Н.М., сопровождавшего тогда группу американцев, был н.п. Дерновицы. В результате предпринятых усилий по получению достоверной информации оказалось, что дети в количестве 10 человек вместе с родителями были отселены из д. Дерновицы в различные населенные пункты Светлогорского района и на тот момент (декабрь 1990 г.) никто, подчеркиваю, никто не страдал от лейкемии и тем более не погиб. Вот она, «правда» корреспондента газеты «Правда».

В этой небольшой статье я попытался фрагментарно описать события 1986 года, связанные с катастрофой на Чернобыльской атомной электростанции.

Наш труд не был не замечен: орденом «Знак Почета» награжден я, медалью «За трудовую доблесть» – Леоненко Н.А.

ТКАЧЕВА
Дина Константиновна

*В 1986 году – заместитель главного врача Гомельской облСЭС
В настоящее время – на заслуженном отдыхе.*

С ПОЛНОЙ ОТДАЧЕЙ

26 апреля 1986 года – трагический день в истории белорусского народа и государства. Накануне ничто не предвещало беды. Наступали выходные дни. Многие уезжали за город, на дачи, отдыхать на природе. Я тоже поехала отдыхать. Вечером, стоя на перроне в ожидании поезда, увидела быстро надвигающееся черное облако пыли. Подошел поезд, люди сели в вагон, облако не рассеивалось. Я была удивлена – не было ни молнии, ни раскатов грома, ни дождя.

1 мая было тепло и солнечно, взрослые и дети вышли на демонстрацию. Тогда уже начали распространяться слухи о произошедшей аварии на Чернобыльской АЭС. О существовании ЧАЭС я узнала на встрече выпускников Ленинградского санитарно-гигиенического медицинского института – один из моих сокурсников работал на Чернобыльской АЭС главным санитарным врачом.

Первые дни мая прошли в спокойной рабочей обстановке. Всю организацию работы по контролю за радиационной обстановкой взяла на себя Зоя Алексеевна Хулап, занимавшая тогда должность главного государственного санитарного врача Гомельской области. В южные районы области – Брагинский, Наровлянский, Хойникский были направлены представители санитарно-эпидемиологической службы: заместитель главного врача Прохасько В.В., заведующие отделами Даценко А.П. и Кац Л.З., заведующий радиологической лабораторией Вербовиков А.А. и др.

В последнюю неделю мая мне, заместителю главного врача по организационно-методической работе, поступило рас-

поряжение создать эпидотряды, состоящие из врачей и работников со средним медицинским образованием, для командирования на две недели в южные районы области. Первые эпидотряды возглавили заместители главного врача В.И. Короткевич и Д.К. Ткачева.

Я в качестве руководителя одного из отрядов была командирована в Хойникский район. Разместили нас в Хойникской центральной районной больнице, которая уже не функционировала. Условия для проживания были удовлетворительные, было организовано одноразовое питание, работали душевые.

Мы приступили к работе. Информацией о масштабах катастрофы мы не располагали. Из защитной одежды были только медицинские халаты. После рабочего дня подводились итоги, оформлялись документы. Оперативный штаб, куда стекалась вся информация о радиационной обстановке, располагался в здании райисполкома, здесь же мы отчитывались о проделанной работе, получали задание на день.

Нами, сотрудниками санитарно-эпидемиологической службы, ежедневно выполнялась привычная работа по контролю объектов, проводился отбор проб воды, пищевых продуктов для лабораторных исследований, дезинфекционные и дератизационные мероприятия.

Специалисты санэпидслужбы работали с полной отдачей, добросовестно и ответственно исполняли свои обязанности.

Светило солнце, вокруг цвели сады, предвещая богатый урожай. Уже потом, в конце лета, печально было видеть под каждым деревом ковер из никем не поднятых яблок и груш.

Были мы свидетелями начавшейся эвакуации детей из загрязненных районов. Проводился дозиметрический контроль, детей мыли и переодевали, потом направляли в оздоровительные учреждения.

Работа по формированию эпидотрядов, организации их деятельности в загрязненных районах проводилась санитарно-эпидемиологической службой Гомельской области на

протяжении нескольких лет. Впоследствии этот опыт был успешно использован специалистами санэпидслужбы других областей и г. Минска, которые приезжали к нам для оказания помощи.

Мне с бригадой специалистов приходилось выезжать в Брестинский и Наровлянский районы, быть в непосредственной близости от Чернобыльской АЭС, на расстоянии до 10 км. Особенно запомнилась работа по преодолению последствий аварии на Наровлянщине под руководством главного государственного санитарного врача района Коробского Ю.Г. характеризовавшаяся слаженностью, самоотдачей, четкой постановкой задач, глубоким анализом выводов.

Когда информация о масштабах и возможных последствиях катастрофы перестала быть секретной, руководители санэпидслужбы области начали активную информационно-просветительную работу среди населения пострадавших районов в составе информационных групп. Координацию работы таких групп с успехом осуществляла Крутовцова Т.Ф., в то время – заместитель председателя Гомельского облисполкома.

Через 5 лет после аварии на ЧАЭС я стала работать в Брагинской районной санэпидстанции, где деятельность всего коллектива была направлена на минимизацию последствий катастрофы.

Из 45 лет трудового стажа 41 год я отдала работе в санитарно-эпидемиологической службе Гомельской области. За все это время на моем трудовом пути встречались грамотные трудолюбивые люди, которые являлись моими учителями и соратниками – Раскина Н.И., Хулап З.А., Кац Л.З., Зак С.П., Лейнова Н.З., Фульман Р.Е. и многие другие.

БИРУЛИН Владимир Петрович

*В 1986 году – главный врач Октябрьской райСЭС.
В настоящее время – врач-эпидемиолог УЗ «Октябрьская ЦРБ».*

НЕЗАБЫВАЕМАЯ КОМАНДИРОВКА

Это было в апреле уже далекого 1986 года. Погода была необычайно теплой, солнечной, и ничто не предвещало трагедии. В субботу около 6 часов утра вдоль поймы реки Птичь в сторону Припяти летели армейские большегрузные вертолеты. Ощущалось легкое жжение на губах. 28 апреля к нам в санэпидстанцию поступила официальная информация из областной СЭС об аварии на ЧАЭС. Были даны указания по развертыванию поста радиационного наблюдения.

Переведя учреждение в режим круглосуточного дежурства, мы приступили к выполнению поставленной задачи. Вооружившись противогоазом и армейским прибором ДП-5, через форточку замеряли радиационный фон, конечно, с учетом чувствительности прибора. На момент аварии в районе был один действующий прибор ДП-100, который использовался ветеринарной службой для оценки качества кормов. По моей инициативе, несмотря на противодействие местных органов власти, прибор был передан нам для первоочередного проведения исследования и оценки качества молока, овощей и другой продукции.

В круглосуточном режиме работа продолжалась и после получения мною приказа областной санэпидстанции о командировке в Хойникский район в качестве исполняющего обязанности главного врача этого района с 4 июля 1986 года сроком на 10 дней (в конечном итоге эта командировка продолжилась 45 дней). Данный приказ я воспринял спокойно. На мой взгляд, все было логично, так как в своем активе

я имел специализацию на базе Киевского института усовершенствования врачей по радиационной гигиене. Думаю, что на то время владел знаниями определенного уровня, которые помогли мне осознанно, без паники выполнять порученную работу.

Радиофобия, преследовавшая большинство граждан, обошла меня стороной. Серьезным фактором, придававшим уверенность и способствовавшим решению возникающих проблем, и, на мой взгляд, сыгравшим положительную роль, для меня явился тот самый испуг, а с ним растерянность, охватившая многих руководителей всех уровней, не говоря о гражданских лицах. Этот фактор зачастую способствовал выполнению поставленных задач и разрешению ситуаций, поскольку отсутствовало противостояние, а инициатива была ненаказуема.

По моему глубокому убеждению, в 1986 году и спустя много лет санитарная служба страны была службой, которая первой относительно профессионально, грамотно и организовано (разумеется, с помощью структур власти и специалистов) обеспечивала достижение самого сложного и необходимого гражданам результата – минимизации последствий аварии. Это было очень важно для каждого конкретного человека, оказавшегося в сложных условиях проживания на загрязненной территории.

Приехав в Хойники, я встретил уважаемых мною людей, с которыми мне пришлось впоследствии работать. Это эпидемиолог облздравотдела В. Лавочкин, заместитель главврача областной СЭС Л. Тирещенко, специалист службы гражданской обороны майор В. Чепля. Позднее к нам присоединился эпидемиолог республиканского штаба В. Ключенович. Министерство здравоохранения Республики Беларусь представлял главный врач областной СЭС Гродненской области В. Васильев, который, кстати, имел опыт работы в должности врача атомной электростанции. В Хойникской районной санэпидстанции работали специалисты областной СЭС: заведующая бактериологической лабораторией С. Зак,

заведующая физико-химической лабораторией З. Каравай и многие другие, которых я знал по совместной работе. Трудиться в составе такой команды в качестве руководителя было для меня большим доверием. Проводимая в районе работа жестко контролировалась республиканскими и областными службами через ежедневные информационные отчеты.

С первых же дней пришлось заниматься неотложными вопросами, начиная от комплектации необходимыми расходными материалами до обеспечения условий работы. Мне удалось быстро перевести радиологическую лабораторию из убогого помещения в находящийся рядом с районной СЭС пустующий детский сад и создать условия режимного характера. Затем в течение нескольких дней организовать асфальтирование улицы и территории, примыкающей к Хойникской санэпидстанции. Кроме хозяйственной работы, основным видом деятельности был контроль уровней ионизирующего излучения для решения вопросов предупреждения вредных последствий его воздействия. Контроль предусматривал измерение, оценку, регистрацию дозы ионизирующего излучения, получаемого человеком, а также исследование уровней загрязнения радиоактивными веществами воздуха, воды, почвы и продуктов питания. Основная цель – обеспечение радиационной безопасности населения, проживающего на территории района.

Для оценки радиационной опасности на загрязненной территории была создана и функционировала сеть наблюдения. Систематически исследовались пробы воды из источников водоснабжения, в первую очередь открытых, а также молока, овощей и другой сельхозпродукции для определения концентрации радиоактивных веществ и дальнейшей организации санитарно-гигиенических мероприятий на территориях и площадях с различной степенью загрязнения.

Проводился контроль качества продукции местной пищевой промышленности. По результатам анализа производимого на территории района молока был пересмотрен ассортимент продукции Хойникского сыродельного комбината.

Было проведено асфальтирование территории хлебозавода — одно из мероприятий, снижающих степень возможного загрязнения продукции радионуклидами при транспортировке. Армейские хлебозовы не были достаточно герметизированы, и загрязнение продукции происходило именно при транспортировке, а не во время технологического процесса выпечки хлебобулочных изделий.

Совершенно неожиданной для меня стала информация о том, что в районе работает студенческий отряд, оказывающий помощь овощному заводу. В результате проведенного обследования условий труда и проживания студентов были выявлены грубые нарушения санитарно-гигиенических норм и правил. Мною было вынесено решение о прекращении деятельности отряда. По этому поводу состоялась наша встреча с врачом штаба студенческих отрядов Гомельской области Т.М. Шаршаковой. После обсуждения ситуации ввиду нецелесообразности дальнейшего пребывания студентов на территории Хойникского района отряд был расформирован.

Вопросу снижения уровня радиофобии среди населения мы, работники санитарной службы, придавали серьезное значение. После тщательной проверки продукции местного происхождения выдавались рекомендации по ее использованию. Был случай, когда в районную санэпидстанцию обратился местный житель с просьбой разрешить реализацию нескольких фляг меда урожая 1986 года. После проверки и оценки качества оказалось, что мед вообще не был загрязнен радионуклидами. Владелец получил соответствующее заключение и смог реализовать свою продукцию. С того случая постепенно началась отмена запретов на употребление в пищу местной продукции. За снятием этих запретов стояли тысячи исследований образцов со всей территории района (радиационная лаборатория санэпидстанции работала круглосуточно).

Приходилось применять и непопулярные меры. Так, при одном из обследований ресторана, который нес основную нагрузку по питанию командированных, было установлено

высокое радиационное загрязнение служебных помещений и зала. Причина оказалась в обуви посетителей, на которой они приносили радионуклиды со всего района. Пришлось срочно применять штрафные санкции, проводить генеральную уборку, пересматривать график влажных уборок, а также убрать все ковровые изделия (пылесборники). В результате ситуация улучшилась.

Все виды деятельности служб и ведомств, находящихся на территории Брагинского, Хойникского и Наровлянского районов, осуществлялись под управлением республиканского штаба, заседания которого проводились один раз в неделю в здании военкомата г. Хойники. К каждому такому заседанию наши работники готовили информационные справки по заданной теме для заместителя министра здравоохранения, Главного Государственного санитарного врача республики. Раз в неделю к штабу за 10–15 минут до начала работы подкатывали «Волги», из них быстро выходили ответственные товарищи в спецодежде и после заседания так же быстро уезжали (командиры уезжали, а солдаты оставались на посту). По результатам обсуждения различных вопросов оформлялись протоколы поручений. Тогда меня удивляло, что из протокола в протокол переписывались одни и те же поручения со строгими формулировками.

Во время одного из выездов группы специалистов (для оценки условий работы КПП на территории отселенных населенных пунктов) мне пришлось на деле увидеть, что такое радиоактивное загрязнение территории. Когда мы проезжали на автомашине до КПП, расположенного на паромной переправе через реку Припять, наш дозиметр плясал от нуля до предельных уровней через каждые несколько километров. Приехав на переправу, по которой никто не переправлялся, мы увидели костер. Трое курсантов училища МВД, несших там службу, варили уху из выловленных неподалеку карасей. Мы посмотрели в бинокль на трубу Чернобыльской атомной станции, провели замеры радиационного фона и разъяснили курсантам, что можно, а чего нельзя делать в данной ситуации.

В Хойникском районе работало много командированных, в том числе и в районной санэпидстанции. Помнится, встречаем очередной автобус (раз в десять дней) из Минска. Открывается дверь, и оттуда выходят симпатичные девушки, укутанные в шарфы, в теплых спортивных костюмах и резиновых сапогах, а рядом хохочут наши сотрудники (на улице было за 30 градусов тепла).

Одно время ко мне с большим уважением относились сотрудники милиции и ГАИ, постоянно брали под козырек при встрече. Но это чествование продолжалось недолго: ровно столько, сколько я ездил по району на прикомандированной «Волге» с минскими номерами.

По завершению командировки я вернулся в Октябрьский район на прежнее место работы. Мне присвоили статус ликвидатора последствий на ЧАЭС (которого хотели лишить при перерегистрации, пришлось ехать в Хойники за подтверждающими документами). По предложению областного отдела здравоохранения меня включили в список кандидатов для представления к правительственной награде, но секретарь Октябрьского РК КПБ высказал свое мнение: «Не заслуживает».

На заработанные деньги я купил в Хойниках подарок жене (по ее просьбе) – дамский велосипед, который по сей день хранится в гараже. Иногда, глядя на него, невольно вспоминаю о необычной командировке.

БЕРЕЩЕНКО Людмила Михайловна

В 1986 году – биолог отделения профдезинфекции Гомельской облСЭС.

В настоящее время – на заслуженном отдыхе.

С ЧУВСТВОМ ВЫПОЛНЕННОГО ДОЛГА

Для меня трагедия Чернобыля началась 9 мая 1986 года.

Вся наша семья собралась за праздничным столом. В этот день мне позвонил заведующий отделом профдезинфекции Каплян А.А. и сообщил, что на Чернобыльской АЭС произошла авария и мне необходимо 10 мая срочно выехать в г. Хойники в качестве бригадира дератизационной бригады. При себе иметь халат, косынку, ватно-марлевую повязку, резиновые сапоги.

Утром 10-го я прихожу на работу и вместе с помощником прача-эпидемиолога Гомельской районной санитарно-эпидемиологической станции. Гавриленко З.И. и тремя дезинфекторами отправляюсь в командировку на неделю в распоряжение главного врача Хойникской районной СЭС.

Проведение дератизационных мероприятий в населенных пунктах Хойникского, Брагинского и Наровлянского районов регламентировалось приказом начальника управления здравоохранения Гомельского облисполкома и направлено было на предотвращение массового распространения мышевидных грызунов в отселенных деревьях.

В Хойникской СЭС к нашей бригаде присоединились еще 10 дезинфекторов Светлогорской и Мозырской санитарно-эпидемиологических станций.

Утром, одетые в резиновые сапоги, трико, халаты, косынки, мы взяли пакеты с ядоприманкой, погрузились в старенькую машину-дезкамеру и тронулись в путь. Из такой машины трудно было наблюдать за маршрутом нашего передвижения.

Когда мы остановились на пропускном пункте, я вышла из машины вместе с водителем отметить пропуск. Меня охватило чувство тревоги – машина находилась перед шлагбаумом, возле которого стояли военные в камуфляже с автоматами, подступ к дороге был огорожен колючей проволокой. Нам отметили пропуск, предупредили, чтобы долго не находились в «зоне», и мы поехали дальше. Все притихли, мы тогда еще не понимали, что происходит.

Остановились на окраине большой деревни, распределились в группы по двое и приступили к работе. Заходили в каждый дом, сарай, туда, где могли находиться грызуны, раскладывали приманки.

Во дворах тишина, дома были открыты, было видно, что все имущество в спешке брошено. Трудно описать наши чувства, скорее, это был страх, который испытывают люди перед неизведанным.

Но мы обязаны были сделать свою работу. Сначала, помня наказ военных, мы бегали со двора во двор почти бегом, потом стали работать спокойнее – ведь, кроме странного металлического привкуса во рту, ничего мы не ощущали.

Часа через четыре мы прошли все улицы и собрались на другом конце деревни. Нам предстояло обработать еще ферму, находившуюся невдалеке. Мы пошли пешком по песчаной дороге, было очень жарко, шли с трудом. Чтобы было легче идти, решили снять с себя сапоги и ватно-марлевые повязки. Босиком дошли до фермы, провели обработку.

Возвращались с работы с чувством выполненного долга. На пропускном пункте нас опять остановили военные – дозиметр поднесли к нашему автомобилю, затем к нам самим. Приказали срочно обработать автомобиль, а по приезде в Хойники всем вымыться в бане, одежду выбросить. Одежду пришлось постирать, так как другой у нас не было.

В таком режиме мы проработали неделю. Утром выезд в «зону», вечером баня, ужин и отдых.

На протяжении недели нашим глазам представала одна и та же картина: пустые деревни, брошенные дома и вещи, никаких домашних животных. Только в одном дворе продолжал стеречь свой дом оставленный хозяином пес.

Наша бригада совместно с бригадой дезинфекторов Гомельской дезинфекционной станции обработала практически все деревни Хойникского района. Дератизационные мероприятия продолжались другими бригадами, но в 30-километровую зону эти люди не выезжали, обработка велась на «приграничных» участках.

ШАВЛЮГА
Валентина Григорьевна

*В 1986 году – фельдшер-лаборант централизованной бактериологической лаборатории Гомельской облСЭС.
В настоящее время – на заслуженном отдыхе.*

ВАХТОВЫЙ МЕТОД

Май 1986 года. Не прошло и месяца после аварии на ЧАЭС, а мы, лаборанты баклаборатории областной СЭС, уже стали ездить на работу вахтовым методом в г. Брагин в лабораторию, так как лаборантов там не хватало. После аварии на ЧАЭС в Брагине, Наровле, Хойниках была повышенная радиация, если не сказать: высокая. Поэтому многие жители, опасаясь за здоровье свое и особенно за здоровье своих детей, уехали подальше от этой опасности. Кто к родителям, кто к друзьям, а кто просто к хорошим знакомым, которые пригласили их пожить какое-то время вдали от радиации.

Поехала я в Брагин в бактериологическую лабораторию на четыре дня, сменив работавшую там Семенихину Диану Степановну. Работала с врачом Лилией Михайловной, лаборанткой и санитаркой. Их фамилии я уже не помню. Проводили исследование воды из колодцев и водопровода, исследование пищевых продуктов, смывов. Вечером после работы принимала душ и отдыхала. Ночевала в больничном здании, в физкабинете. В больничном корпусе было безлюдно, даже непривычно как-то. Работали только дежурные. Все окна в помещениях и форточки были закрыты, хотя стояла жаркая погода без дождей. В самом Брагине было малоллюдно, только военные с техникой мыли крыши домов, срезали грунт во многих местах и увозили его на мотильники, а куда именно, я не знаю. Но паники не было. Кто не уехал, тот работал в прежнем режиме. Работали столовые, магазины.

В Брагине я работала 4 дня. Уезжала автобусом, который долго мыли на границе зоны.

ПОДОЛЯК
Виктор Дмитриевич

*В 1986 году – главный врач Ельской райСЭС.
В настоящее время – работает в этой же должности.*

10 ПЕРИОДОВ ПОЛУРАСПАДА

Да, сынок, атом вучоные расщепили,
а назад зацапить ня могуць.

Высказывание сельского жителя.

28 апреля 1986 года. Иду на работу, погода прекрасная, теплынь. Вчера прошел великолепный весенний дождик. Мой сын Слава с такой радостью бегал под дождем по лужам... Какая теплая нынче весна!

В санстанции у всех веселое настроение: погода хорошая, скоро выходные-праздники, будет время обработать огороды. В нашем сельском райцентре почти у всех моих сотрудников свои дома, огороды – «хозяйство».

Звонит телефон. Говорят из военкомата:

– Виктор Дмитриевич, вам не поступало каких-либо указаний по замеру радиации?

– Нет.

– А можете замерить? На атомной станции какая-то авария, а у нас прибор на поверке.

– Хорошо, померяем.

Прибор в санэпидстанции был по гражданской обороне: ДП-5, но ведь там батарейки применяются не «гражданские», в продаже таких нет. Вспомнил: можно разрезать и применить плоскую батарейку для фонарика. Замеряю гамма-фон на территории санстанции перед входом – 3 мР в час. Вот тебе и теплый дождик... На душе никакого страха: что делать, в принципе, знаю, дважды проходил курсы по радиологии в Ленинграде и Москве.

Звоню в областную санэпидстанцию, получаю указание периодически замерять гамма-фон, других указаний пока нет. Надо проинформировать председателя райисполкома, но его на месте нет.

Сотрудники санстанции отнеслись к ситуации спокойно, интересуются, когда положение должно нормализоваться, мои указания выполняют беспрекословно.

По телевидению и радио по этому поводу тишина, наверно, ничего страшного не случилось.

В 14.30 нахожу председателя райисполкома Журова А.И., он наблюдает за посадкой роз около здания исполкома. Докладываю о замерах радиации и о том, что возможно загрязнение молока, так как начат выпас скота. Пошли с ним звонить первому секретарю, его на месте не оказалось.

29.04. Меня вызвал председатель райисполкома и сообщил, что первый секретарь райкома Бусько Н.М. уточнил в областных инстанциях: для принятия особых мер на территории района оснований нет.

Замеры гамма-фона на территории санстанции проводим в рабочее время через 4 часа.

30.04. Мною сделаны выборочные замеры уровней радиации по населенным пунктам района, показания: от 1,5 до 5 мР/час. На территории санстанции к концу дня – 1,3 мР/час.

Темпы падения уровня радиации почти такие, как нас учили на военное время.

1 мая. Начали исследования молока, поступающего напрямую из хозяйств в закрытые учреждения, и воды из шахтных колодцев. Руководствуемся нормами, установленными на военное время. Так как в санстанции аппаратуры для исследования продуктов не было, исследования проводились нашим лаборантом в ветеринарной лаборатории, на их приборе ДП-100, а затем в Мозырской городской санэпидстанции, куда ежедневно возились пробы. «Свою» аппаратуру мы получили только 25.06.

Первомайская демонстрация прошла как всегда.

2 мая. Дежури́м в районной больнице в штабе гражданской обороны. Решили с главным врачом района Самуйликом Н.И., что не дожидаясь указаний сверху надо подготовить письмо на имя председателя райисполкома о необходимости введения в районе специальных мероприятий. Составляю перечень мероприятий, подписывает главный врач района, и на рочным завозим дежурному в райисполком.

Вскоре раздается звонок: главврача района вызывает председатель райисполкома. Возвратившись, главврач рассказал, что пришлось отстаивать необходимость введения мероприятий, и только когда он сказал, что вот так в 41 году ждали указаний и дождались, председатель райисполкома согласился и в 21 час был издан соответствующий приказ начальника гражданской обороны района, председателя райисполкома. В этот же день нами была передана телефонограмма в райисполком о необходимости радиационного контроля пастбищ, а в райпотребсоюз о запрещении торговли на улицах.

На следующий день, 3 мая, в 8.00 было созвано совещание ответственных работников райисполкома, на котором выступил первый секретарь райкома партии, отметивший, что в наших мероприятиях нет никакой крамолы и их надо выполнять, несмотря на то, что «сверху» никаких указаний пока нет. Работники исполкома выехали во все сельские Советы для разъяснения обстановки и проведения предложенных нами мероприятий. В этот же день по результатам исследования молока мною было предложено через штаб ГО района информировать население о необходимости воздержания от выпаса скота и максимальной сдачи молока государству, подготовлен текст телефонограммы, которая, по информации председателя райисполкома, в тот же день была передана в сельсоветы.

И поехало...

В период с 3.05 по 7.05 СЭС были разработаны и доведены до руководителей ведомств и объектов противорадиационные

мероприятия по всем пищевым предприятиям, системе торговли и общественного питания и др.

6.05. Санслужбой было запрещено частным лицам вести торговлю на рынке. Запрещен убой скота на убойном пункте райзаготконторы и прием мяса от населения, однако по указанию первого секретаря райкома было принято решение: в колхозах и совхозах убой скота не запрещать, но реализовывать мясо только после радиометрического контроля и выдачи разрешения СЭС на каждую тушу. В первые дни после аварии санслужбой был проведен ряд совещаний с руководителями ведомств и контролируемых объектов по вопросам противорадиационных мероприятий, организации питания детей, усиления санэпидрежима на объектах.

Направлялись телефонограммы и предписания, начиная от необходимости разъяснения кормящим матерям режима питания и соблюдения правил личной гигиены при кормлении детей и кончая серьезными недостатками в проведении противорадиационных мероприятий среди тружеников сельского хозяйства и работе бань...

За май-июнь 1986 года было исследовано 3848 проб пищевых продуктов и 1448 проб воды. О результатах исследования сообщалось в исполкомы сельских Советов и непосредственно гражданам, а начиная с 24.05, после разрешения руководства района, давалась информация населению через местную газету и радио. Хотя редакция районной газеты порой «корректировала» наши статьи в сторону уменьшения опасности, все же население получало рекомендации по необходимым противорадиационным мероприятиям.

В это время обнаруживались с высокой активностью пробы смородины, щавеля; были негодными местами малина, крыжовник, вишня, клубника, зеленые лук и чеснок, черника, а также вода из некоторых шахтных колодцев. Ветслужба выявляла негодные пробы молока и мяса. Исследовались все партии продукции, выпускаемые местной пищевой промышленностью. Реализация несоответствующей требованиям продукции запрещалась.

Несмотря на значительную неукomплектованность медицинскими работниками (в момент аварии на Чернобыльской АЭС в составе санитарного и эпидемиологического отделов работал только один врач, помощниками врача СЭС была укomплектована на 50%, химической лаборатории не было), нами были решены все задачи, стоящие перед санитарной станцией. К выполнению их привлекались буквально все сотрудники. Например, замеры гамма-фона.

Особенно сложно было женщинам, когда поступило указание – замеры уровня радиации производить круглосуточно через каждые 2 часа, а передавать результаты по телефону спецсвязи, установленному в райисполкоме. Замерив радиацию на территории санстанции, дежурная должна была идти в райисполком за 1,5 км, передав результаты возвращаться в санстанцию, замерять и опять идти в райисполком, и так всю ночь. Конечно, это не сравнить с теми задачами, которые в это время выполняли на АЭС ликвидаторы, но, как говорится, каждый велик на своем месте.

И надо отдать должное нашим сотрудникам. Весь начальный период ликвидации последствий катастрофы все мои распоряжения, указания местных органов власти, областной санэпидстанции выполнялись беспрекословно и четко. А ведь они, медработники, как никто другой осознавали опасность радиационного фактора. Да и задачи порой стояли непростые.

Кроме решения медицинских задач, приходилось, например, работать в закрепленном колхозе, в деревне Некрашевка, которая в последующем была отселена. Несмотря на нехватку людей, приходилось по приказу областной санстанции работать также на территории впоследствии отселенных деревень Наровлянского района. И наши сотрудники выполняли свой долг без медосмотров и индивидуальных дозиметров, даже не предполагая, что в последующем могут получить чернобыльские льготы как ликвидаторы.

Работа осложнялась еще тем, что мы не располагали данными о состоянии дел непосредственно на атомной станции.

Например, вызвали недоумение скачки гамма-фона: ведь по логике, как нас учили про ядерные взрывы, уровень радиации должен был постоянно падать, а этого не наблюдалось, а, наоборот, фиксировались подъемы.

Никогда не забуду, как меня срочно вызвал к себе председатель райисполкома замерить радиацию. Вхожу к нему в кабинет. Он сидит за столом в очень странном наряде: в старом болоньевом плаще времен расцвета группы «Битлз» (хотя на улице было тепло), вид озабоченный. Померил я гамма-фон: нормальный. Председатель говорит: «Можешь идти...» Мы ведь не знали, что аварийный реактор продолжал выбросы. А он, вероятно, знал, но говорить не имел права, такая была система.

Чтоб успокоить народ, 8 мая из РК КПБ была сообщена информация населению о том, что якобы произведено, наконец, захоронение реактора АЭС. Люди поверили, массовый стихийный отъезд населения прекратился, но в то же время прекратилось и проведение начатых противорадиационных мероприятий. И нам стоило большого труда, чтобы заново «запустить» механизм дальнейшего проведения защитных мер.

Сложно было убедить пожилых сельских жителей, что нельзя пить молоко от своих коров, что магазинное молоко хорошее; некоторые считали, что просто районное начальство хочет за счет «людского» молока выполнить план заготовок. Но в целом люди нам верили, санслужба пользовалась авторитетом. Наши знания и наши действия воспринимались населением серьезно, рекомендации и предложения по противорадиационным мерам выполнялись намного лучше, чем наши предписания в доаварийный период, хотя хватало и безответственного отношения к делу. Особенно в торговле системы потребкооперации, а также в колхозах и совхозах по вопросам организации помывки людей, обеспечения механизаторов средствами защиты органов дыхания, герметизации кабин сельхозтехники и защите от радиоактивной пыли шахтных колодцев.

Комплекс проведенных мероприятий и настороженность населения к радиационному фактору (в результате строгое соблюдение правил личной гигиены) способствовали снижению заболеваемости острыми кишечными инфекциями в районе. В 1986 году по сумме кишечных инфекций произошло снижение заболеваемости по сравнению с 1985 годом в 3 раза.

К 1988 году радиационная обстановка в районе была практически стабилизирована, но это не устраивало определенные политические силы. В газете «Звезда» появляется карта Республики с нанесением зон, где заштрихованы территории, на которых растут негодные по радиации грибы, публикация никем не подписана, плотность штриховки одиноким, что в Ельском, что в Наровлянском районе, где население пользуется значительно большими льготами.

Находятся люди, которые, используя эту разницу в льготах, будоражат народ. Это приводит к массовому недовольству населения. Нам уже не верят — «санстанция скрывает истинный уровень радиации!».

Вызывает меня второй секретарь райкома партии и говорит, что на стадионе сегодня будет несанкционированный митинг, и я вместе с прокурором должен выйти и успокоить народ. На мои возражения, что это я не смогу сделать, что меня могут просто покалечить, отвечает вполне серьезно: «Ничего, отдадим одного в жертву, зато народ успокоится». На стадионе начинают собираться люди. Пытаемся с прокурором что-либо объяснить им, слушать не хотят, высказывают оскорбления. Покидаю стадион и возвращаюсь в санстанцию.

Через некоторое время звонят из райкома, чтоб срочно прибыл на стадион. Стадион полон народа, шумят, выступающие выкрикивают оскорбления и даже угрозы в адрес санслужбы, якобы «скрывшей радиацию». И как ни удивительно, зав. отделом культуры Ельского райисполкома, который вскоре покинул район, самым активным образом лил на нас ведра клеветнической грязи.

Никто из представителей власти в защиту санслужбы не выступил. Ни первого секретаря, ни председателя райисполкома не было (не знали, что будет митинг?), но точно помню, была третий секретарь райкома партии. Зато потом устроили тщательную «разборку» на бюро райкома: и обвинили меня и прокурора в том, что мы не справились с партийным заданием. После этого бюро я получил свой первый черныбыльский гипертонический криз.

Вот такую «благодарность», оставшуюся на душе незаживающей раной, мы «заслужили» за бессонные ночи и честное выполнение всех возложенных на нас обязанностей по защите населения.

Прошедшая потом повторная встреча власти с людьми – официальный митинг на том же стадионе, так и не убедил население, оно осталось при своем мнении: радиацию скрыли, чтоб не финансировать льготы. А то, что недовольство людей было спровоцировано определенными силами, подтверждается организацией аналогичного несанкционированного митинга и в самой Наровле.

Впереди нас ожидала не менее сложная и напряженная работа на долгие годы. И ее результаты свидетельствуют о том, что все эти годы мы не зря тратили силы и свое здоровье.

За 2010 год превышение содержания радиоцезия в организме в районе обнаружено только у 20 человек из 7314 обследованных (менее 0,3%); зарегистрирована всего одна проба молока от коровы в частном секторе с незначительным превышением допустимого содержания радиоцезия. Ну, никак народ не хочет отказаться от заготовки сена в лесу и других «даров леса», пока негодных!

Эпилог

2005 год начался с того, что постановлением правительства г. Ельск переведен из зоны с правом на отселение в зону с периодическим контролем. Население потеряло часть льгот.

В феврале звонит мне в кабинет женщина, по голосу пожилая:

– Вы Подоляк?

– Я.

– Вы вот нам закрыли рынок в микрорайоне, отменили льготы по радиации (!), так раз вы такой всемогущий, докажите, чтоб самогонкой в микрорайоне не торговали, от этого нет никакого спасения.

Объясняю ей про требования к минирынку, про льготы и про самогонку..., вроде поверила.

Ученые утверждают, что для практически полного распада радиоактивного вещества требуется около 10 периодов полураспада; для цезия-137 и стронция-90 осталось всего каких-то 275 лет...

МОЖЕЙКО (ЕМЕЛЬЯНОВА)

Антонина Борисовна

В 1986 году – фельдшер-лаборант централизованной бактериологической лаборатории Гомельской облСЭС.

В настоящее время – врач-бактериолог ГУ «Гомельский областной ЦГДиОЗ».

НЕДОБРОЕ ДЕЛО ДОБРОГО АТОМА

В медленном танце кружатся снежинки и спокойно опускаются на землю. Утром можно встать на лыжи и пойти в лес. В лесу все спит, величественные сосны укрыты белым инеем, который искрящимся серебром осыпается вниз от малейшего прикосновения. Наступила зима – пора спокойствия и наименьшей занятости бартоломеевских жителей.

Скоро отец принесет густую, сильно пахнущую елку, она согреется в доме и покроется капельками хрустала. Новый год – это долгожданный и самый любимый праздник: подарки, каникулы и ощущение некоего чуда. Потом наступит февраль – вьюжный и лютый месяц.

А следом придет март – первая капель, запах весны и яркое солнце. Петух в предвкушении скорого потепления важно ходит по двору и пьет воду из первой маленькой лужицы. Все потихоньку пробуждается, снег в округе становится тяжелым и рыхлым. Механизаторы начинают старательно готовить свою технику к предстоящей посевной. Оживает все и вся, и начинается весенняя страда. Нужно подготовить семена, распахать почву, задробрить ее и помолиться о предстоящем щедром урожае. Все это делают люди, выросшие на этой земле. На этой земле жили их отцы, их деды, и все они любили эту землю. Любили это местечко, которое называется их исторической родиной.

Посевная закончена, грядет праздник Первомая – праздник мира и труда. Нарядные женщины в платьях, сшитых у местного портного, танцуют на площадке возле сельского

клуба со своими мужьями, одетыми в строгие, не совсем модные костюмы. Жители деревни отдыхают, веселятся, и заодно и обсуждают всяческие проблемы. На лицах ощущение счастья, да-да, счастья, самого простого, человеческого.

Затем наступает лето – самая жаркая пора у сельских тружеников: прополка, подкормка растений под залог богатого урожая. Радуются люди освежающему дождю, который сделает луговую траву густой и сочной. По вьющейся желтой ленточке дороги потянутся конные подводы с косцами на луга, вдоль реки Беседь. Легкий ветерок шевелит лютики, и сердце замирает от такой красоты. В лесу обилие ягод, а какой чистый воздух! В полях наливаются колосья ржи и пшеницы. Старожилы предсказывают щедрый, богатый урожай.

В августе начинается уборка хлеба. За полночь идут домой уставшие комбайнеры и бурно обсуждают свои проблемы, намолоты, а также планируют завтрашний рабочий день, который начнется с первыми лучами солнца. Чувствуется, что люди удовлетворены своей работой, довольны ее результатами, и любят эти люди свою родную землю.

Осень – грибная пора. В лесу просто море грибов. Каждый день утречком надо сходить, чтобы набрать молоденьких боровичков и масляток. Яркая зелень листвы переходит в самую разнообразную палитру – от светло-желтой до темно-коричневой. Заканчивается уборка выращенных даров.

Все помаленьку затихает, жухнет зеленая трава, на зиму перепахивается земля. Скоро начнут порхать первые снежинки.

Так жили мои предки в деревне с не очень лирическим названием Бартоломеевка. А деревня была красивая. Красивой ее сделали коренные жители, любившие эту местность всей своей душой.

Обычная сельская жизнь.

Но вот наступило 26 апреля 1986 года. Я, как фельдшер-лаборант, в составе команды по оказанию практической помощи выехала в Наровлянский район Гомельской области. Мы отбирали пробы воды и пищевых продуктов и проводили

лабораторные исследования. Я работала с врачом-бактериологом Светланой Григорьевной Шевчук, тоже приехавшей из Гомеля. Пришлось побывать в разных деревнях, из которых были отселены мамы с детьми или уже практически все жители. Шокирующее зрелище. Пустота и молчаливые окна домов.

Потом, когда закончилась моя командировка, я в один из майских выходных приехала к родным в деревню Бартоломеевка. Там я увидела страшную картину: везде люди в военной форме, большие машины «Уралы» вывозили грунт, который снимался с поверхности почвы большими грейдерами. И слухи, слухи, слухи... Самые разнообразные. Приезжали ученые из Японии, проводили собрание местных жителей.

Затем стало известно, что на карте наша деревня отмечена красным пятном. Впоследствии было принято решение отселять жителей. Дозиметры зашкаливали. Слезы, хлопоты и неизвестность. Никогда не забуду слов моей матери: «Когда мы уезжали, мне казалось, что это временно, а оказалось, навсегда». Так вот закончилась степенная, стабильная сельская жизнь со своими традициями и устоями. Разбросало кого куда. В землю закопали дома. Осталась пустая тишина. Мирный атом сотворил недоброе дело. Вот такая история. Грустно...

Спустя годы огороды и улицы стали зарастать лесом. Только одна дорога, которая ведет на кладбище, остается проторенной. Уроженцы Бартоломеевки дают наказ своим родным похоронить их на исторической родине. Похоронен там и мой отец.

Лишь на Радуницу туда съезжаются люди из разных уголков нашего бывшего Советского Союза, чтобы отдать дань памяти своим предкам. Убирают и украшают могилки и никогда не забывают про памятник Неизвестному солдату. Мало того, что он неизвестен, так еще и остался одиноко стоять в самом центре бывшей цветущей деревни... Выросло

новое поколение, молодежь здесь в День поминовения знакомится друг с другом. У пожилых в глазах горькие слезы. Слезы, скорбь и воспоминания. Бесконечные воспоминания о прекрасной жизни дома – это все, что осталось в душах. Теперь все иначе.

Деревня моя

Не колосится в поле больше хлеб,
Травую поросла дорога.
И малой Родины на карте больше нет –
Винювен взрыв с названием Чернобыль.

Бартоломеевка – деревня, вся в цвету.
Реально – это кануло уж в Лету.
На место то я снова прихожу,
Но дома и тропинки больше нету.

Была усадьба, вишня под окном,
Соседи – удивительные люди.
И кажется, что это было сном
И наяву того уже не будет.

Не будет той травы, которую косить,
Сушить, ложить в стога пахучим сеном.
И сани конь не будет заносить,
Когда уснет земля под пледом белым.

Все кончилось. Был вынесен вердикт:
Разъедутся сельчане кто куда.
Уехали, а до сих пор болит:
Все безвозвратно – это навсегда.

ЛАВОЧКИН Валерий Матвеевич

В 1986 году – главный эпидемиолог отдела здравоохранения Гомельского облисполкома.

В настоящее время – доцент кафедры инфекционных болезней УО «Гомельский государственный медицинский университет».

ОСТАЛОСЬ В ПАМЯТИ

Авария на Чернобыльской АЭС не забывается. Эти события остались в памяти каждого человека, кому пришлось принять непосредственное участие в ликвидации последствий катастрофы.

Постараюсь вспомнить ситуацию с первых дней. Как ни горько осознавать, но время проведения мероприятий было упущено с самого начала. В первые дни не поступило рекомендаций Министерства здравоохранения БССР по проведению необходимой йодопрофилактики среди населения. Вместе с тем проводилось ничем не обоснованное массовое обследование людей путем забора крови, для чего пришлось задействовать всю лабораторную службу.

С началом эвакуации населения на первый план вышли такие сложные вопросы, как санитарная обработка транспорта и одежды людей.

Эвакуация проводилась в два этапа. Первый этап – эвакуация детей и беременных женщин.

В первых числах мая мне с главным педиатром пришлось посетить женщин с детьми в пионерских лагерях г. Мозыря и г. Хойники.

Трудно было принять решение о полном отселении всей 30-километровой зоны. Проект решения для облисполкома был подготовлен комиссией в составе 4–5 человек. Эвакуация началась с 7-го мая и завершилась 11 мая. Эвакуация велась круглосуточно, на всех этапах было введено круглосуточное дежурство.

Эвакуация взрослого населения проводилась поэтапно, через населенные пункты за пределами 30-километровой зоны.

Встал вопрос об обеспечении отселенного населения питанием и качественной питьевой водой. Были развернуты общественные столовые на базе сельских клубов, организована чистка колодцев. Столовые открывались только с разрешения санитарной службы, был установлен строжайший контроль за качеством питания и воды. Пища допускалась к употреблению после разрешения местного медицинского работника.

В результате за время отселения не было зарегистрировано среди населения ни одного случая инфекционного заболевания.

После эвакуации большая работа была развернута по контролю за «загрязненностью» сырья, готовой продукции и продуктов питания радиоактивными элементами, для чего в ряде точек (санитарно-эпидемиологические станции, ветеринарные лаборатории, рынки, лаборатории молокозаводов) была установлена радиометрическая аппаратура – ДП-100. Определены допустимые дозы радиационного загрязнения пищевых продуктов, сырья и воды.

Радиометрический контроль осуществлялся как в закрытой 30-километровой зоне, так и на всей территории области. В 30-километровой зоне дополнительно проводился ряд эпизоотологических мероприятий: уничтожение мышевидных грызунов, отстрел собак и кошек с целью профилактики бешенства.

Хочется вспомнить добрым словом и поблагодарить работников санитарно-эпидемиологической службы Гомельской области, групп усиления г. Минска, других областей республики, принимавших участие во всей этой непростой, тяжелой работе.

Общими усилиями удалось в определенной мере уменьшить последствия аварии на Чернобыльской АЭС.

КОРЖ
Раиса Павловна

В 1986 году – врач-лаборант радиологической лаборатории Гомельской облСЭС.

В настоящее время – на заслуженном отдыхе.

РАБОТАТЬ БЫЛО ТЯЖЕЛО

В первые дни после аварии на ЧАЭС меня с коллегой Прищеповой Т.И. перевели в радиологическую лабораторию из лаборатории физико-химических методов исследований.

Работали в три смены, без выходных, дома поспишь – и опять работа.

Были командировки в районы, потерпевшие от аварии на ЧАЭС, некоторые отбивались от них, находили разные аргументы, чтобы не ехать. Мы группой из трех человек в период с 21 по 28 августа 1986 года находились в командировке в Брагине. Я была старшей, со мною фельдшер-лаборант Прищепова Т.И. и из бактериологической лаборатории Сушицкая М.П.

Для оказания помощи в работе сотрудникам местной СЭС использовался вахтовый метод. Во время нашего нахождения в Брагине обязанности главного врача СЭС района исполнял Владимир Григорьевич Зинченко, главный врач Житковичской СЭС.

Нас поселили в роддоме, рядом с СЭС, на втором этаже. Были и неудобства, комнаты не закрывались, поэтому и личные вещи пропадали. Работали в три смены (8.00–16.00, 16.00–24.00, 24.00–8.00).

Нас сменяла бригада Витебской СЭС. Одну из сотрудниц звали «худышкой», она весила 120 кг. Почему запомнила, был очень смешной случай. Их пришел развлечь местный житель Григорий. Посиделки устроили на первом этаже. Он под гармонь пел частушки, после которых девочки выходили через окно (он дверь подпер деревяшкой), а «худышка» еле протиснулась в окно.

Наша работа заключалась в том, чтобы отсечь «грязные» продукты от «чистых». С утра выписывали пропуск и одна группа отправлялась в зону с машиной (водитель – Володя, ныне его уже нет в живых), в которой был смонтирован радиометр КРВП. Часть исследований продуктов и воды делали на месте и давали ответы о пригодности, остальные пробы привозили в областную СЭС.

В лабораторию СЭС продукты для исследования приносили жители Брагина и района. Исследования проб воды и пищевых продуктов проводили на приборах ДП-100. Результаты регистрировались в журналах, а ответы давались устно.

Работать было тяжело, сами готовили пробы для исследований, которых было очень много; так как население было напугано случившимся, люди несли все со своих подвожий. Отказов не было, хотя иногда приносили такие продукты, каких не было в перечне временных РДУ-86, и их трудно было оценить.

Хочу отметить, что мы питались в лаборатории теми продуктами, что оставались от проб, чего не делали наши коллеги. Многие все продукты привозили с собой (консервы, сгущенка и т.д.).

В период нашей командировки стояла жара, помыться было негде. Нам подсказали, что можно попроситься в котельной. Просились, некоторые работники пускали, а другие и отказывали.

Были и смешные истории, некоторые из-за страха на смену приходили в противочумных костюмах – это те, которые ели свои продукты, привезенные из чистой зоны.

ЛЫСЕНКО
Тамара Николаевна

В 1986 году – заведующая паразитологическим отделением Гомельской облСЭС.

В настоящее время – на заслуженном отдыхе.

ПЕРЕЖИТОЕ НЕ ОТПУСКАЕТ

В ночь на 26 апреля 1986 года загорелся один из реакторов Чернобыльской АЭС. Из разрушенного реактора исходило интенсивное радиоактивное излучение. В результате пострадало население Гомельской области, особенно Брагинского, Хойникского, Наровлянского и других районов. Выброс радионуклидов создал опасность для здоровья населения.

К работе по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, наряду с другими службами, была привлечена и санитарно-эпидемиологическая служба области.

Прошло 25 лет после аварии, но пережитое потрясение не отпускает. Воздействие радиации на иммунитет и клиническое течение заболевания на этом фоне я испытала на себе очень скоро. На майские праздники (было 3 или 4 выходных дня) мы еще не знали об аварии, и я дома мыла окна. А 7 мая оказалась на больничном листе с высокой температурой. Только через 11 дней и по моему настоянию врачи закрыли бюллетень, диагноз: «ОРЗ, трахеит, фарингит, тонзиллит». Никогда до этого я так длительно и тяжело не болела ОРЗ. Обычно переносила на ногах, без осложнений.

Об аварии на Чернобыльской АЭС уже были информированы все, и я стремилась на работу, невзирая на еще повышенную температуру и кашель. Выйдя на работу в понедельник 19 мая, я сразу попадаю в санэпидотряд, командруемый в Чернобыльскую зону – Хойникский район. Одновременно были направлены еще два санэпидотряда в Наровлянский и Брагинский районы. Но сначала всех задействованных врачей нашей СЭС вывезли в Хойникский район для ознакомления с ситуацией, получения задания на месте.

Инструктаж проводил прибывший к нам заместитель министра здравоохранения, Главный Государственный санитарный врач БССР Кондрусев А.И. (к сожалению, давно умер). Он говорил долго, умно, но одна фраза врезалась в память навсегда: «Одна из ваших задач – выяснить, отчего в Чернобыльской зоне дохнут кошки и собаки». На этой фразе я не сдержала эмоции и хмыкнула, что походило на «хихи». На это последовал строгий вопрос заместителя министра: «Кто хихикнул?» Наступило гробовое молчание. Выручила Тирещенко Л.А. (заведующая отделением гигиены питания нашей СЭС), сказав, что это от боли в горле. А мне очень хотелось спросить: «Как же нам себя защитить, чтоб не сдохнуть, как эти кошки и собаки?» Но такой вопрос мог быть чреват весьма негативными последствиями. Я думаю, что страх был у большинства, только равнодушный мог тогда не бояться. Особенно тревожились за детей: «Что с ними будет?» Но мы молча понимали друг друга и знали, что задание надо выполнить, ведь еще в институте мы дали клятву Гиппократу. Никто тогда не отказался выехать в Чернобыльскую зону.

Командировали нас по приказу главного врача облСЭС Хулап З.А. на 8 дней с 21 по 28 мая 1986 года с целью проведения эпидемиологического, паразитологического, радиологического обследования территории, объектов и осуществления санитарно-противоэпидемических мероприятий по профилактике зооантропонозных инфекционных и паразитарных заболеваний. В условиях радиации не исключалась возможность вспышек природно-очаговых инфекций, паразитозов.

Руководил работой санэпидотрядов в то время главный эпидемиолог облздравотдела В.М. Лавочкин. В Хойникском районе отряд возглавляла заместитель главного врача нашей СЭС Ткачева Д.К. В нашем санэпидотряде работали: эпидемиолог Грамович А.Н., зоолог Федосенко К.И., шофер Лось В.Г. (умер), санитарный врач Гутина С.И. (умерла), дезинфекторы гордезстанции, всего около 10 человек. К сожалению, все фамилии уже не могу вспомнить.

Я горжусь, что мне довелось работать с такими самоотверженными, ответственными, и в то же время скромными людьми. Никто даже не помышлял о статусе ликвидатора, льготах, наградах. Об этом тогда и речи не было. Работали безотказно, дружно. Составляли план работы на каждый день, а по вечерам я оформляла дневник.

Работа заключалась в изучении эпизоотологической ситуации путем отлова для лабораторного исследования мелких грызунов; осуществлялись отбор проб воды и продуктов питания, дозиметрический контроль, противоэпидемические, дезинфекционные, дератизационные мероприятия, в том числе обеззараживание колодцев, контроль за санитарными условиями транспортировки и реализации продуктов. Герметичного транспорта для перевозки продуктов, даже хлеба, тогда не хватало.

Помню, что погода была жаркая, сухая. Ездили мы в негерметичном медицинском «УАЗе» от деревни к деревне по неасфальтированным сельским дорогам в клубах пыли, салон машины также был забит пылью. Одежда на нас была своя, а поверх – обычные медицинские белые халаты и шапочки. Защитой это не назовешь, а органы дыхания и вовсе были не защищены. Индивидуальных дозиметров не было.

Спасибо главному врачу райбольницы, что он дал нам возможность приезжать в больницу пообедать, а вечером после работы – принять душ.

Мы знали, что первые несколько недель после аварии опасен радиоактивный йод-131, который, усваиваясь щитовидной железой, облучает ее. Но уберечься от облучения щитовидной железой путем приема йодсодержащих препаратов мы опоздали. Да и свыше на этот счет не было указаний.

К сожалению, от облучения щитовидной железы пострадало много людей, особенно – детей. Щитовидная железа – это щит организма, отвечающий за все процессы обмена веществ, работу нервной, сердечно-сосудистой, пищеварительной, репродуктивной, иммунной систем.

Я знаю по себе, что происходит в организме человека, если функции этой железы резко снижены.

Тогда не было предложено надежных протекторов, повышающих устойчивость организма к облучению. Однако говорили, что алкоголь в какой-то степени обладает этим действием, но при приеме перед облучением. А так как на загрязненной местности ионизирующее излучение имеется постоянно, то прием алкогольных напитков лишь ослабляет организм. Возможно, алкоголь и снимает психологическое напряжение, но мы так уставали за день, что спали хорошо и без алкоголя. Кроме того, мы были постоянно под контролем спецслужб, которые следили и за тем, чтобы пьянства в санэпидотрядах не было. Правда, перед выездом в командировку мы купили бутылку водки и где-то по знакомству – пару палок колбасы. В первый день после работы выпили по 50 граммов, нарушив правила приема «протектора». Психологическое напряжение коснулось всего населения, и медики – не исключение. А как известно, оно влияет и на состояние физического здоровья. Поддерживали себя шутками типа: «Мы, белорусы, такая нация, – нам не страшна радиация» или про облысевшего ежика-колобка и др.

После этой командировки мне пришлось вместе с Савчуком П.А. возглавить работу информационной группы облСЭС, созданной временно до организации радиологического отдела. В группу вошли врачи и помощники врача из разных отделов нашей СЭС, более 10 человек. При этом надо было одновременно обеспечить работу своего отдела. Ежедневная работа группы заключалась в обработке результатов исследований проб воды и всех видов продуктов питания, выполненных в радиологических лабораториях, расчет показателей радиоактивного загрязнения по всем видам продуктов по территориям области.

Нагрузка на нашу группу была колоссальная. Лаборатория была «завалена» пробами воды, продуктов из загрязненных радионуклидами территорий. К работе этой лаборатории

также были временно привлечены специалисты других лабораторий нашей службы, в том числе из паразитологической Матвеева Н.А. (умерла). Руководила работой всех лабораторий Тирещенко Л.А., а непосредственно радиологической – Зинович В.Н., высококвалифицированные, ответственные специалисты, с которыми интересно было работать. В группе информации никто не роптал, не возмущался, что часами приходилось заниматься не своей работой.

Большинство, не считаясь со временем, нагрузкой, сидели над таблицами допоздна, бывало, что и без обеда. Формы таблиц были разработаны Зиновичем В.Н. и мной.

Особенно с большой благодарностью вспоминаю врача-лаборанта Берещенко Л.М., помощника эпидемиолога Шклярору Г.М., которые безукоризненно выполняли свои задания и помогали другим. В мои обязанности входило проверять все данные, показатели, делать сводные таблицы и переводить показатели радиоактивности воды, продуктов из лабораторных единиц – кюри в отчетные новые единицы (международные) – беккерели. Работа требовала большого внимания, точности. Малейшая ошибка могла обернуться тяжелыми последствиями.

К концу рабочего дня итоговые материалы должны были ложиться на стол главного врача облСЭС Хулап З.А., которая их ежедневно представляла первому секретарю Гомельского обкома партии А.С. Камаю.

Не могу не вспомнить, как наша любимая, всеми уважаемая Зоя Алексеевна, мужественная, сильная духом, мудрая женщина, каждый раз перед выходом в обком переживала, волновалась чуть ли не до слез.

Она постоянно находилась в состоянии психологического стресса. Такой высокий спрос с нее и всей санэпидслужбы области, наряду с радиацией, подкосили ее здоровье, вечная светлая память и Царствие ей Небесное.

Результаты обследования продуктов удручали. Молоко, молочные продукты, мясо, яйцо, речная рыба, овощи, фрук-

ты и особенно дары леса (ягоды, грибы) из потерпевших районов были загрязнены радионуклидами в значительной степени. Население переходило на проверенные магазинные продукты. Санэпидслужбой принимались меры против распространения загрязненных продуктов через торговую сеть.

После работы в группе информации опять были командировки в районы области, пострадавшие от аварии на ЧАЭС, с целью продолжения обследования и проведения профилактических мероприятий.

Все сотрудники областной СЭС в течение нескольких лет работали в весьма напряженном режиме и учились одновременно.

Многие стремились внести свою лепту в работу по противорадиационной защите населения области. Осуществлялось информирование населения о мерах по уменьшению доз внутреннего и внешнего облучения, по соблюдению требований личной гигиены, гигиены жилища.

Значительным источником радиоактивных веществ стали продукты питания, поэтому разрабатывались рекомендации, памятки для населения по соблюдению санитарно-гигиенических, оздоровительных мероприятий, рациональному питанию. Эти меры должны были ограничить поступление в организм долгоживущих радионуклидов – цезия-137, цезия-134, стронция-90 с пищевыми продуктами и снизить риск отдельных медицинских последствий.

Благодаря целенаправленным мероприятиям госсаннадзора, жестким требованиям со стороны санэпидслужбы всех уровней, просветительной работе удалось обеспечить санэпидблагополучие в области, избежать вспышек, эпидемий инфекционных и паразитарных заболеваний среди населения. В пострадавших районах области параллельно с санэпидслужбой работали ветеринарная, коммунальная и другие службы области, которые также внесли огромный вклад в дело профилактики зооантропонозных заболеваний. Как

врач-паразитолог, я была озабочена возможной активизацией очагов малярии, клещевого энцефалита, трихинеллеза и других тяжелых заболеваний, эндемичных для нашей области. Но, слава Богу, этого не произошло.

Знаю, что многие работники санэпидслужбы области пострадали от аварии на ЧАЭС, многие рано ушли из жизни.

Среди живущих, из моего окружения, здоровых практически нет. Лично для меня после 1986 года жизнь превратилась в сплошную борьбу за выживание. А ведь как писал Короленко В.Г.: «Человек рожден для счастья, как птица для полета». В то же время «...удовольствие, в котором состоит счастье... есть... телесное здоровье и невозмутимость ума», — считал П. Гассенди.

НАЗАРЧУК Алексей Алексеевич

В 1986 году – водитель Хойникской райСЭС.

В настоящее время – дезинфектор отдела профдезинфекции учреждения «Хойникский райЦГЭ».

ПЫЛЬНЫЕ ДОРОГИ 86-го...

*(литературная обработка главного врача
Хойникской райЦГЭ Н.Г. Логвинец)*

О взрыве на Чернобыльской атомной электростанции я узнал в воскресенье 28 апреля от главного врача Мысливчика Георгия Ивановича, который срочно вызвал меня на работу. Масштабы катастрофы были еще не известны. 29 апреля мы с санитарным врачом Соловьевым Михаилом Александровичем выехали на нашем «УАЗике», взяв радиометр ДП-5, в деревни Масаны, Радин, Уласы, Чамков, ближе всех находившиеся к Чернобыльской АЭС. Жители рассказали нам, что со стороны Украины из поселка Янов, который расположен совсем близко от ЧАЭС, некоторые молодые семьи с детьми на лодках переправились к родственникам в Белоруссию, спасаясь от радиации. О предстоящей эвакуации еще никто не догадывался.

1 мая коллектив Хойникской санэпидстанции принимал участие в праздничной демонстрации. Пришли с детьми, наряженные и с хорошим настроением...

Все изменилось в первых числах мая: за пределы района срочно были эвакуированы мамы с детьми. Опустели улицы, не слышно было детского смеха ни во дворах, ни в квартирах. Коллектив СЭС взвалил на свои плечи огромный груз работы, с которой ранее не приходилось сталкиваться. Каждый день машина выезжала для отбора проб почвы, воды, пищевых продуктов в населенные пункты района, а к вечеру нужно было их доставить в Гомель для исследования.

Были дни, когда дважды за день приходилось объезжать по 5–6 деревень, вечером – в Гомель, ночью – домой. За день «накручивали» по 600–700 км.

С горючим проблем не было: в любой деревне председатель колхоза или директор совхоза беспрекословно запрашивал бензином машину СЭС по распоряжению райисполкома. Отбирали пробы и сотрудники санэпидслужбы, и сельских Советов. Количество доставляемых для исследования проб было огромным. Из Гомеля срочно были привезены приборы ДП-100 для проведения измерений на месте.

Хорошо помню эвакуацию жителей из ближайших к Чернобыльской АЭС деревень. В Дроньках организовали силами дезотдела санэпидстанции санпропускник. Завезли обычные рукомойники, вода для них подвозилась в бидонах машинами. Комбинат бытового обслуживания обеспечивал санпропускник полотенцами, их подвозили пачками. Жители перед эвакуацией съезжались из отселяемых деревень в этот санпропускник, где они обмывали лицо и руки. Одежду, обувь не меняли. После ввода воинских частей санобработка людей проводилась в душевых установках, но санпропускник, организованный дезинфекционным отделом Хойникской санэпидстанции, продолжал действовать до полной эвакуации жителей.

Удручающее зрелище представляла санобработка вывозимого из «зоны» скота: его свозили со всех ферм и прогоняли через струю воды с порошком-дезактиватором. Реактивная установка, подающая воду через сопло огромного диаметра, издавала ужасающий рев. Коровы, и без того напуганные, подгоняемые под струю ревущей установки, просто обезумевали, пытались убежать. Многие животные были травмированы своими же собратьями. И все это происходило на одной площадке: с одной стороны – удрученные люди, почти без вещей, покидали родные места навсегда, с другой – несчастные животные увозились на убой.

Какие чувства мы испытывали, видя все это своими глазами? Боль, сочувствие, тревогу за своих близких, дикую

усталость... Но эмоции приходилось сдерживать: надо действовать. Вся последующая работа санэпидстанции состояла в то жаркое лето из бесконечных объездов выселенных деревень, замеров, отборов проб. Наш еще совсем новый, 1985 года выпуска, «УАЗик» исколесил не единожды все до одной деревни «зоны». Пыль, жара, солнце, радиация, пустые дома – все оставляло след в душе. Люди не знали ни выходов, ни отпусков до конца лета 86-го.

Коллектив районной санэпидстанции небольшой, для усиления со всех концов Беларуси прибывали бригады врачей, работников со средним медицинским образованием, водителей со своим транспортом. Размещались где придется – в кабинетах санстанции, в общежитиях, гостинице. Варили себе нехитрые обеды: кашу с тушенкой, суп из консервов, стараясь обходиться только привозными продуктами.

Много привлеченных работников прошло через Хойникскую санэпидстанцию. Все силы были брошены на отбор проб почвы, воды, пищевых продуктов, замеры уровней радиоактивного загрязнения в еще не отселенных деревнях. А в отселенных оставалось все имущество эвакуированных жителей. В какой-то момент им разрешили забрать ценные вещи из брошенных домов: холодильники, телевизоры, одежду. Помню, как хозяева открывали холодильники, в которых оставались продукты. За то время, пока хозяев не было, продукты протухли, зловоние слышно было на расстоянии. Все остальное хорошо сохранилось, только пыль проникла во все уголки домов.

Санитарная служба обязана была давать ответы по уровням «загрязненности» имущества для решения вопроса о вывозе. Проводилась сплошная дератизация – уничтожение крыс и мышей в отселенных деревнях. В этом же 86-м году мы получили новенький «УАЗ» с передвижной радиологической лабораторией КРВП. И снова по пыльным дорогам в «зону»... В райисполкоме отвели кабинет, где проводили

замеры уровней радиационного загрязнения всех возвращающихся из «зоны» прибором СРП на уровне плеча, печени, до и после помывки в бане. Баня работала круглосуточно и бесплатно.

За это лето многие жители района выехали на постоянное место жительства в другие регионы, кто-то уехал и вывез детей на летнее время. К осени город наполнился детскими голосами, открылись школы, сады. Жизнь вошла в привычную колею, но пыльные дороги лета 86-го навсегда остались в памяти.

ШАПЕТКО Анна Васильевна

В 1986 году – помощник санитарного врача по коммунальной гигиене Гомельской облСЭС.

В настоящее время – помощник санитарного врача по радиационной гигиене ГУ «Гомельский областной ЦГЭиОЗ».

ГРАЖДАНСКИЙ ДОЛГ ВЫПОЛНИЛИ

Певучее название «Припять», как и сама украинская речь, мне знакомо не понаслышке. С момента образования этого городка атомщиков в нем жили и работали мои украинские друзья Будюк Татьяна и Кобылинский Николай (впоследствии они стали мужем и женой). Татьяна работала медсестрой на станции, Николай – атомщик. В письмах, которые присылала мне Татьяна, они восхищались этим молодым молодежным городом, красотой того места, где он был расположен, рекой Припять и всем, всем... Одним словом, они были довольны своим переездом в этот город, были молоды, счастливы (им было по 24–25 лет тогда).

Очень хорошие, добрые гостеприимные люди, Татьяна и Николай всегда приглашали меня в гости, и я на майские праздники 1985 года побывала в Припяти. Действительно – это был молодой, но очень красивый город с живописными окрестностями и рекой, на праздничных улицах было много детей, чувствовалась энергетика молодости и всей той жизни, что тогда происходила в Припяти. Когда я впервые подъезжала к городу, вырисовалась картина: громады строительных конструкций, напоминающих огромные конусы, – это была АЭС и ее 4 реактора.

Перед моим отъездом из Припяти мои украинские друзья приглашали меня переезжать жить в этот город и обещали мне сделать ответный гостевой визит в г. Гомель. По воле судьбы и злого рока этот визит задержался на 22 года,

и свиделись мы опять уже в г. Гомеле только летом 2008 года. Они сейчас работают на Хмельницкой АЭС, куда были эвакуированы как специалисты. Сейчас это два средних лет человека, супруги, оба инвалиды ЧАЭС, и у них нет детей.

В сам уже такой далекий от нашего времени день 26 апреля 1986 года я не работала еще в областной СЭС, мое место работы было в санстанции железной дороги г. Гомеля. В днях жизни того времени не было ничего необычного, кроме жары, сильного пылевого смерча, дождя и мирного празднования Первомайских праздников, – и далее жизнь текла по своему обычному руслу, многое уже стерлось из памяти, так как ничего особого в нашей жизни не было, даже когда было объявлено СМИ о случившейся аварии (в самом г. Гомеле не было никакого ажиотажа, паники, никаких медицинских или других мероприятий я и мои знакомые тогда на себе не ощутили).

Лишь только когда я в конце 1986 года перешла опять на свое прежнее место работы – в областную санэпидстанцию г. Гомеля, вот тогда все враз и почувствовалось, и увиделось, и ощутилось. Работала я тогда в отделении коммунальной гигиены и только с конца 1987 года – помощником врача по радиационной гигиене радиологической лаборатории облСЭС (отделения радиационной гигиены тогда еще не существовало, оно образовалось в 1990 году)

Мои тогдашние жизненные приоритеты и преимущества: молодость (28 лет), здоровье, максимализм, патриотизм, может быть, и героизм, если хотите, так что когда пошли распоряжения об отправке в Чернобыльскую зону, не появлялось даже и мысли, чтобы не поехать, «откосить». И все казалось тогда по плечу. Четко помню, как один за другим поступали приказы из вышестоящих организаций, работа строилась на сверхскоростях, срочностях. Приказы шли о проведении тех или иных мероприятий с отправкой нас в «зону» (то ли это была командировка, то ли просто заезд, так как недостаточно времени было на оформление командировочных листов, и оформлялось все постфактум).

Заезды в Чернобыльскую зону были по проведению работ по последующей эвакуации населения, по обследованию отселенных населенных пунктов с дозиметрией для реэвакуации населения, по паспортизации отселенных и существующих деревень, по отбору проб пищевых продуктов для формирования базы данных, проведения после нашего обследования дезактивационных работ другими организациями и учреждениями, затем была программа «Родон» по отбору проб воды и воздуха населенных пунктов и по разным другим заданиям свыше. Нужно было смотреть и отражать в актах санитарное состояние объектов, делать замеры разными дозиметрами ДП и ДРГ, делать записи МЭД, отбирать пробы пищевых продуктов (впоследствии люди очень неохотно давали молоко и мясо), разговаривать с населением, успокаивать людей (из зоны последующего отселения, где еще не были отселены люди), развешивать на зданиях сельских Советов результаты анализов происследованных продуктов.

И все это делалось при любых погодных условиях, под солнцепеком и в дождь, не приостанавливаясь ни на минуту, без плащей, зонтов и средств защиты. При поступлении приказов свыше быстро формировалась группа и посылалась в «горячие точки», т.е. южные районы Гомельской области (более близко расположенные к АЭС): Брагинский, Хойникский и Наровлянский, а позже и в другие районы: Буда-Кошелевский, Ветковский, Чечерский и др. Перед отправкой нам доводили до сведения только объем предстоящей нам работы, например, за 3–5 дней мы должны были отработать 10–15, а то и 20 населенных пунктов в зависимости от численности проживающего населения, расстояния их друг от друга и других факторов.

Но никто не думал и ничего не говорилось о нашем быте, организации питания, защите от возможного загрязнения радионуклидами, оплате, не ясно было, командировка это или просто рабочий день «в зоне». Мы ехали в «зону» без инструктажа, без минимума знаний о поведении при работе

на загрязненной местности. В руках у руководителя группы вместо командировочного листа был просто листок-список людей, въезжающих в «зону», с указанием срока, и хорошо, если руководитель группы был принципиален и настойчив, как, к примеру, Тирещенко Г.Д. В этом случае ставилась отметка о въезде и выезде из «зоны».

Впоследствии мы ездили уже определенной сформировавшейся группой. Все окрестности были очень многолюдны, ехали какие-то машины, чаще военные, везли людей, бродили оставленные голодные домашние животные (недоенные коровы, козы, куры, собаки, коты), но, что примечательно, они не были агрессивны, возможно, от истощенности или от действия радиации. Поначалу мы их боялись, но впоследствии сердце разрывалось от жалости к животным. С каждым нашим приездом покинутых домашних животных и бродячих становилось все меньше, впоследствии мы узнавали, что скотомогильники были переполнены.

При выезде из «зоны» наш транспорт стоял в длинных очередях для дозиметрического контроля, проверяли на загрязненность только транспорт, чтобы радиация не разносилась на «чистые» территории. Приборы всегда зашкаливали (резко сигналили), но мы, люди, порой были там, где не пройдет машина, мы прочесывали весь населенный пункт вдоль и поперек, лес, пашню и другие прилегающие к населенному пункту территории, потом выходили на дорогу, садились в машину и ехали дальше (однако нас никто не замерял, так как мы сидели внутри машины и «чистую территорию» не загрязняли).

Мы объезжали деревни, из которых были эвакуированы люди. Эти деревни стояли по полгода, по году пустые, без жителей, они заросли страшным бурьяном, чертополохом, густым, буйным, на полметра выше человеческого роста. Мы пробирались, как в джунглях, от одного дома к другому, от дома к ФАПу, от ФАПа – к магазину, школе, д/саду, МТФ, мехдвору и т.д. И так изо дня в день, из одной деревни в другую, из года в год – 87–89 годы и последующие годы.

И шли мы по радиоактивному бурьяну вперед, раздвигая его руками. Пыль, семена и все, что было и могло быть на траве, в природе после аварии на реакторе, – все это сыпалось нам в лица, на наши непокрытые головы, на одежду, которую потом мы хранили дома в шкафу вместе с другой одеждой. И это при всем при том, что мыться нам было негде да и некогда, бани были переполнены, либо уже закрыты, когда мы возвращались из поездки. А приезжали мы поздно, не было сил не только помыться, но и поесть. Мылись мы под единственным краном с подводкой только холодной воды, который находился в общем коридоре старого здания Брагинской санстанции (аналогично и в других районах).

Мы заходили в дома, делали замеры и внутри. У меня и сейчас дрожь по телу от всего увиденного внутри домов. Люди покинули свои дома, ничего не взяв с собой, но процветало мародерство. Повсеместно можно было видеть такую картину: все шкафы открыты, вещи разбросаны по полу, здесь же фотоальбомы, книги, учебники, разобранное радио, телевизор, все свалено в одну кучу, разбросана посуда, огромные пауки – и густая тишина. Ощущение, что фашист прошелся по селам, все крошил и разрушал на своем пути. Много раз в день сжималось сердце от людского горя и утрат.

А тишина была не только внутри домов, но и снаружи на улице, во дворах, садах – нигде не было слышно ни пения или щебетания птиц (то ли улетели, то ли погибли). Но были отдельные населенные пункты, в домах которых было свезено, складировано имущество, дома эти были опечатаны под пломбы и в этом населенном пункте стояли военные части – молоденькие парнишки в солдатской форме, милиция. Видимо, они охраняли это имущество и саму «зону». Здесь мы смотрели дополнительно и условия проживания, разговаривали с солдатиками, они говорили, что они здесь рвут и едят вишни, яблоки, груши и все, что выросло на деревьях. Что было поразительно, все они были молоды, но у всех в глазах не было огонька, а был потухший взор и застывший вопрос «А что же будет с нами?», недоумение и безысходность.

Отдельно хочется остановиться на нашем быте.

Приезжали мы в г. Брагин (или Хойники). В Брагине, например, сотрудники санэпидстанции брали напрокат раскладушки (места в гостиницах были заняты военными, пожарными и т.д.), расставляли их в двух самых больших комнатах СЭС: большой кабинет и актовый зал, и там мы и проживали: девушки в одной комнате, парни – в другой. Возвращались мы с работы очень поздно, работали с 7–8 ч. утра до 20–21 ч. вечера, всегда до наступления темноты, разгружали машину (если это были продукты для исследования), уставшие и обессиленные мылись под краном, ели свой домашний сухой паек (что-то докупали в местном магазине, т.к. в ресторане еды всем командированным не хватало), определяли объем работ на завтра, подготавливали приборы, посуду и ложились спать, а рано утром – все сначала, и так изо дня в день. А завтракали и обедали мы уже в пути, т.е. в машине «УАЗике»: водитель, обедал, когда мы работали, а мы завтракали и обедали в машине между перездами из одного населенного пункта в другой, так как был очень напряженный график работы. А местное население между тем думало и говорило, что все мы, приезжие, едим свое, потому что боимся есть «зараженное».

В первый день в первую свою поездку мы хотели пообедать на природе, подышать свежим воздухом: был красивый летний погожий денек, нашли живописную поляну неподалеку от проселочной дороги. Только вышли и стали располагаться, как все дружно рванули к машине, так как нас просто «облепили» клещи. Чтобы не занести в машину «непрощенных» гостей, мы освобождали друг друга от насекомых, отряхивали вещи и, уже сидя в машине, еще проводили «чистку». Так мы, расстроенные, приняли решение есть «на ходу», в машине. Уставали очень. И водитель тоже, ведь мы работали по 12–14 часов в сутки без перерыва, без полноценного питания и отдыха, несколько раз случались

аварийные ситуации, не однажды приходилось выталкивать застрявшую машину (дороги были разбиты тяжелогрузными машинами, да и грязи на проселочных дорогах хватало).

Вечером мы возвращались из поездки с великой усталостью, тошнотой, головокружением, ощущением распирания и металлического привкуса во рту. Тогда я думала, что нас так укачивало, а теперь думаю, что всех не могло укачивать, возможно, это уже было действие на нас «невидимого врага» той войны, чернобыльской. Думаю, это хуже той войны, где враг видим, там человек или группа людей находят варианты, принимают решения и действуют.

Здесь же, в случае чернобыльской катастрофы, страшно было то, что народ был в неизвестности, страхе перед случившимся, врага нельзя было осязать, видеть, ощущать, а следовательно, было полное непонимание людьми ситуации, отсутствие действий и принятия решений самостоятельно, а только ожидание... А мы, ликвидаторы, были «невидимые» солдаты той «невидимой» войны, когда после нашего «прочесывания» передовой, по нашим наработкам и информации принимались решения по данным территориям, населению и т.д. Мы не стреляли и не убивали врага, но мы делали все возможное, чтобы спасти попавших в беду людей, абсолютно не думая о себе.

Когда наша группа возвращалась в г. Гомель на рабочее место, мы сами обрабатывали свою информацию (ведь на выездах мы писали «на весу», и свой почерк расшифровывали сами) и отправляли в вышестоящие органы. И в санэпидстанции мы работали не по табелю и не на восстановление сил, а «на износ», до 20–22 часов, информацию отправляли и опять ехали в «зону», на все были выше сроки.

Мы объезжали населенные пункты, которые еще не были отселены в то время (зона последующего отселения). Когда мы въезжали в деревни, люди сами выходили из домов, подходили к машине, засыпали нас вопросами, что с ними

будет, а в глазах их было немое выражение отчаяния, безысходности, недоумения, горечи, от чего сердце сжималось и хотелось что-то им сказать, успокоить. В нашу задачу ведь входило и проведение санитарно-просветительной работы среди населения. Мы доводили в беседах и в письменном виде (через сельсоветы для жителей) результаты своих исследований, давали рекомендации, и в конце дня не чувствовали не только ног, но и языка. Да, это была невидимая война...

Мы ездили и по отселенным населенным пунктам, где оставались люди, которые еще не уехали или которые уже вернулись назад из «эвакуации», таких людей называли «самоселами». Нам нужно было обеспечить надлежащее пребывание их по санитарному состоянию, по завозу «чистых» продуктов автолавкой и т.д. Были в д. Гдень Брагинского района, оставшиеся жители показывали нам реактор с окраины деревни (менее 10 км) – в стороне Чернобыля была сильная задымленность, и иногда горизонт озарялся сполохами.

Чернобыльская катастрофа, я считаю, это большая часть истории белорусского народа, перечеркивать которую не следует. И об этой черной полосе истории должны знать и помнить и последующие поколения. Ведь эта трагедия коснулась не горстки людей, а 70 % Гомельщины было загрязнено в 1986 году и 20 % всей территории Республики Беларусь, и сотни белорусских деревень и поселков нужно было объехать с определенной нелегкой поставленной перед нами задачей. Одна часть людей – пострадавшие, другая – их спасавшие: ликвидаторы. И страха тогда не было, была только ответственность: превозмочь все, выстоять и помочь людям.

Страх был потом – с 87 года я по клиникам и врачам, являюсь инвалидом ЧАЭС. Перенесла 3 больших и несколько малых операций, когда врачи выносили свои самые страшные вердикты. Страх и ужас меня охватывал, когда я в первые послеаварийные годы видела в переполненных клиниках с онкопатологией щитовидной железы много детей, молодежи, и они мечтали создавать семьи, рожать детей... когда в первые годы после аварии я была в санатории под

Ялтой «Ай-Даниль», где были ликвидаторы России, Украины, Белоруссии, в основном молодые парни, у которых очень сильно болели ноги, и многие даже уже плохо ходили или только сидели, когда через пару лет мы встречались опять в той же клинике под Минском с одними и теми же пациентами-ликвидаторами, но только они уже не могли ходить самостоятельно, а были в инвалидном кресле – просто отнимались ноги, и ничем врачи им не могли помочь. Да и жизнь ликвидаторов проходит уже среди белых халатов, в страхе перед новыми диагнозами – и так 25 лет!

Из нашей группы двоих ликвидаторов уже нет в живых (Тирещенко Г.Д. и Вербовиков А.А.), остальные – инвалиды ЧАЭС или просто очень больные люди, как и я.

И пусть безразличие к теме ликвидаторства лежит грузом вины на тех, кто хочет умалить заслуги ликвидаторов в этой части судьбы Беларуси. Единственный раз за 25 лет я ощутила гордость, что я ликвидатор. Это было в Сочи, 90-е годы, при предъявлении ликвидаторского удостоверения за проезд в общественном транспорте кондуктор и пассажиры смотрели на нас (я и Сайко О.), как на героев, а пожилой аксакал пытался уступить нам место, и восторженно рассматривал нас, и задавал какие-то вопросы.

Во все последующие годы я чувствую на себе, что отношение общества в целом к ликвидаторам таково, что стараешься умалчивать вообще, что ты – ликвидатор. Мне кажется, что теперешнее поколение даже не может сказать, кто такие ликвидаторы. И хотя это не малочисленная группа людей, им нет ни памятников, ни памяти, ни почета. Поэтому я хочу сказать от себя всем ликвидаторам огромное СПАСИБО за выполнение ими гражданского долга и проявленное чувство ответственности; вечная память всем не дожившим до дня сегодняшнего.

ВЁСКА РУДНЯ

...Адсяліць людзей
у 1989–1992 гг. з населеных пунктаў:
Рудня Гулёва, Рудня Шлягіна (Веткаўскі раён),
Ачоса Рудня (Добрушскі раён),
Смалегаўская Рудня (Нараўляскі раён),
Рудня Дудзіцкая (Чачэрскі раён)...

*З Дзяржаўнай праграмы па ліквідацыі
ў Беларускай ССР вынікаў аварыі на ЧАЭС*

Радыяцыя...
І дротам
Вёску Рудню абняслі.
Крыкі птушак над балотам –
Плач атручанай зямлі.

Ты, бязлюдная, сцішэла,
Загубілася ў траве...
Вёска Рудня, як ты пела!
Вось памінкі па табе...

Крыж на могілках, на хаце
І на ранішняй расе,
На каханні бацькі, маці,
Бабкай тканым абрусе.

Крыж на будучым, мінулым,
На маўчанні толькі – не...
Вёска, як табе балюча:
Без вайны ты – на вайне.

...Словам верша,
Жалем песні,
Крыкам высмаглай душы, –
Як жывецца на Палессі,
Рудня, людзям раскажы.

Лідзія Возісава

НАПРЯЖЕННЫЙ РИТМ

В 1986 году в Чечерской районной санэпидстанции работало 39 человек под руководством главного врача Секача Станислава Михайловича. Это было время, омраченное страшной трагедией, – катастрофой на Чернобыльской АЭС, которая нанесла невосполнимый ущерб всем отраслям жизнедеятельности района.

В первые дни после аварии основной упор был сделан на вывод людей из-под воздействия радиации. В Чечерском районе готовились к приему эвакуированного населения из близлежащих районов, в частности, Наровлянского. Были подготовлены банно-прачечный комбинат, общежитие для размещения пострадавших. О том, какой вред нанесен Чечерщине, еще никто не знал...

Экологическая ситуация нуждалась в постоянном контроле. Только так можно было правильно организовать реабилитационные мероприятия. Через два дня после катастрофы, 28 апреля 1986 года, согласно приказу Гомельского облздравотдела был издан приказ главного врача Чечерской санстанции в целях организации дозиметрического контроля. Были привлечены все сотрудники СЭС, работали круглосуточно, в выходные и праздничные дни. На территории СЭС определили контрольные реперные точки, в которых замеры производились два раза в день. Деятельность была крайне напряженной. К тому же в нашей помощи нуждались коллеги из других пострадавших районов. В г. Брагин были командированы дезинфекторы профотдела Козлова В.П., Зуборева В.И., помощник врача-гигиениста Адаменко Т.П. Также была предоставлена машина «УАЗ» (водитель Уздовский В.Д.). В г. Хойники отправились дезинфекторы Синельникова Л.Д. и Смотрова В.Д.

Для наиболее эффективного изучения радиационной обстановки в Чечерском районе в штат СЭС была введена группа ИДК, в которую входили помощник врача-гигиениста Трибуналова В.Н., дозиметристы Артемова Н.К.,

Конухова И.Н. В г. Чечерске и в сельской местности, по всей территории и на подконтрольных объектах они проводили замеры.

Были определены населенные пункты, в которых уровень радиоактивного загрязнения превышал 30–65 кюри/кв.км. То есть данные населенные пункты подлежали первоочередному отселению, которое началось с 1988 года. Это населенные пункты Ровковичского и Крутоевского сельских Советов. До аварии на Чернобыльской АЭС на территории Чечерского района насчитывалось 140 населенных пунктов, в период с 1986 по 1996 гг. из них были выселены 40.

За поставарийный период в районе произведена дезактивация всех социально значимых объектов (школы, сады, больницы, ФАПы, МТФ, РММ, клубы и т.д.). Дезактивационные работы на территории Чечерского района завершены в 2003 году. Для захоронения отходов, образовавшихся в ходе работ по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, на территории района оборудовано 11 пунктов захоронения отходов дезактивации (ПЗОД).

Огромное значение имели и исследования продуктов питания. В населенных пунктах врачи, помощники врачей Сущевич Л.Н., Поплавская В.И., Авсейцева Л.В., Гулевич Е.Г., Горбачева С.П., Лебедева Л.А., Болсун С.В., Колесник М.А., Кулинич С.В., Ганжина С.В., Ганжин Н.Т., Державская М.В., Слесаренко Г.Я., Драгун Л.Ф., Болсун Т.А. проводили подворные обходы. Отбирались пробы продуктов и доставлялись в лабораторию санстанции. Также пробы отбирались на колхозных полях. Выездные бригады забирали в лесу грибы и ягоды, исследовалась рыба из местных озер и рек. Исследования осуществлялись в радиологической лаборатории, в которой работали, начиная с января 1987 года, врачи Круглева Г.Ф., Концевенко М.В., помощники врачей-гигиенистов Усова Л.А., Адаменко Т.П., Панченко Л.И. В сутки исследовалось более 200 проб. В первые дни специалисты работали на аппаратах ДП-100, через 2 года – на КРВП.

Вся продукция, выращенная в личных подсобных хозяйствах, в первые 2–3 месяца превышала РДУ из-за выпавшего йода. После 2–3 месяцев, когда радиоактивный йод распался, остались цезий и стронций. Продукция личных подсобных хозяйств с этого времени (за исключением молочной продукции из ЛПХ) по настоящее время не превышает допустимые уровни. А вот качество даров леса вызывает тревогу и по сей день.

Наименование продукта	1987 год			2000 год			2010 год		
	всего исслед.	с прев.	%	всего исслед.	с прев.	%	всего исслед.	с прев.	%
молоко из ЛПХ	2808	2170	77,3	2473	195	7,9	410	5	1,2
дичь	3	3	100	2	1	50	34	27	79,4
дикорастущие ягоды	219	50	22,8	5	4	80	21	11	52,4
грибы	306	134	43,8	18	14	77,8	64	19	29,7

Со стороны государства и местных органов власти уделяется большое внимание обеспечению безопасной жизнедеятельности на загрязненных радионуклидами территориях. Реализуется ряд государственных программ. Так, для улучшения качества молока осуществляется перезалужение и выделение пастбищ с экологически чистыми травами для выпаса скота, принадлежащего населению. Ведется постоянный мониторинг радиационной обстановки с информированием о результатах исследований органов местной власти и населения. Ежегодно все жители района при прохождении диспансеризации обследуются на СИЧ для контроля за внутренней дозой облучения организма.

Однако, несмотря на все принимаемые меры по обеспечению радиационной безопасности, многие жители района относят

ся халатно к собственному здоровью и продолжают употреблять в пищу дары леса: ягоды, грибы, дичь. Как правило, именно употребление этих продуктов приводит к превышению внутренней дозы облучения организма. Сотрудниками райЦГЭ проводится постоянная работа с населением: публикуются статьи в местной прессе, проводятся выступления по радио, выпускаются памятки и бюллетени. Ведь повышение экологической грамотности – важный залог безопасной жизни на загрязненных территориях.

Круглева Галина Филипповна,
врач-бактериолог У «Чечерский райЦГЭ»
в 1986 году и в настоящее время.

Канода Сергей Васильевич,
главный врач У «Чечерский рай ЦГЭ».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>Мезенцев А.Я.</i>	4
Сердце, отданное людям. <i>Ключенович В. И.</i>	5
Тирещенко Л. А. Из «Чернобыльских дневников»	10
Коробский Ю. Г. Как это было	18
Ткачева Д. К. С полной отдачей	24
Бирулин В. П. Незабываемая командировка	27
Берещенко Л. М. С чувством выполненного долга	33
Шавлюга В. Г. Вахтовый метод	36
Подоляк В. Д. 10 периодов полураспада	37
Можейко (Емельянова) А. Б. Недоброе дело доброго атома	46
Лавочкин В. М. Осталось в памяти	50
Корж Р. П. Работать было тяжело	52
Лысенко Т. Н. Пережитое не отпускает	54
Назарчук А. А. Пыльные дороги 86-го...	61
Шапетко А. В. Гражданский долг выполнили	65
Напряженный ритм. <i>Круглева Г. Ф., Канода С. В.</i>	75

Литературно-художественное издание

Под знаком Чернобыля

Сотрудники
санэпидслужбы Гомельщины
вспоминают

Редактор	М.А. Березовская
Подготовка текстов и вёрстка	О.Н. Сакуновой
Художественное оформление	К.П. Чиндаровой

Подписано в печать 18.04.2011 г. Формат 60×84^{1/16}.

Бумага офсетная. Гарнитура «SchoolBookAC». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4,65. Уч.-изд. л. 3,1. Тираж 100. Заказ № 634.

Издательское и полиграфическое исполнение
ОДО «Барк».

ЛИ № 02330/0549485 от 14.05.2009 г.

ЛП № 02330/0494249 от 25.04.2009 г.

246050, г. Гомель, пр. Ленина, 3.